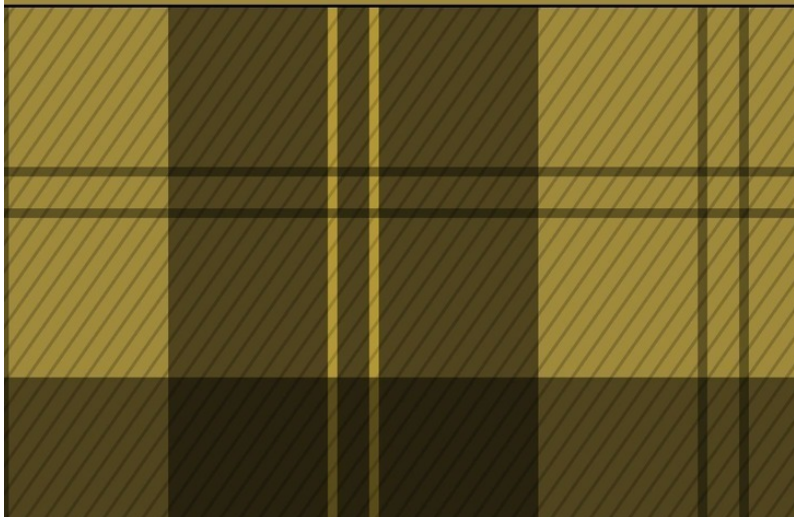

Владимир Паутов

*Путешествие
в мир
Ночного Леса*

Владимир Паутов

Путешествие в мир Ночного Леса

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70015456
ISBN 9785449665591*

Аннотация

«Путешествие в мир Ночного Леса» («Охотничьи Сказы») Владимира А. Паутова написана в лучших традициях классической советской и русской литературы. Сюжеты навеяны выдающимися произведениями Михаила Пришвина, Константина Паустовского, Павла Бажова, Виталия Бианки. Своими рассказами автор пытается ответить на непростые вопросы сосуществования Человека и Природы.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЛИКИ ВЕЛИКОГО ЧАРОДЕЯ	5
Н О Ч Н О Й Л Е С	7
ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА	16
УТРЕННИЙ ЛЕС	50
Д Н Е В Н О Й Л Е С	60
ВЕЧЕРНИЙ ЛЕС	64
НОЧЬ ЧУДЕС	71
ОТМЩЕНИЕ	88
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Путешествие в мир Ночного Леса

Владимир Паутов

© Владимир Паутов, 2019

ISBN 978-5-4496-6559-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛИКИ ВЕЛИКОГО ЧАРОДЕЯ ВМЕСТО ПРОЛОГА

Русский Север. Край зачарованный. Места здесь дичью и рыбой богатые, а народу мало. Не всякий ведь способен выжить в суровых условиях: тайга глухая-урман дикий, а чуть дальше на север – тундра безлесная до горизонта. Раздолье для всех: и для зверя, и для птицы. Грибов и ягод видимо-невидимо. Пропитания для любой живности без меры – только поедай, да жир на зиму откладывай, чтобы морозы трескучие и стужу лютую пережить.

Угодья на Русском севере знатные. Для любого охотника, грибника, рыболова эти места заманчивы и желанны. Правда, лето здесь минует быстро. Глазом моргнуть не успеешь – уже август, а на севере – это осень. Утренние заморозки летом здесь скорее обычны и неудивительны. Скоротечный этот сезон упускать нельзя. Охотничья пора в самом разгаре. Птица: утки, гуси, – сбиваются в стаи. Пора им в тёплые края. Вот и едут в дальние угодья охотники за своим охотничьим счастьем и удачей.

Промысел этот труден, но увлекателен. И не только добы-

чей зверя или птицы влечёт он к себе настоящих мужчин, а необычными встречами, новыми знакомствами и интересными повестями бывалых охотников и местных сторожил.

Каких только рассказов ни наслушаешься прохладным вечером возле костра, когда у огня, попивая крепкий ароматный чай, собираются и местные промысловики, и прибывшие издалека любители.

Н О Ч Н О Й Л Е С

Лес красив всегда. В любое время суток и года он удивителен и привлекателен, страшен и опасен, весел и шутлив, добр и приветлив, злопамятен и своенравен, заботлив и щедр. Именно в этой многоликости заключается его сила, притягательность и очарование.

Лес надо любить, а для этого его следует обязательно слушать и видеть, дабы понять красоту, постичь сущность и узнать лесную правду. Не ленитесь! Зайдите в лесную чащу, причём сделайте это тихо-тихо! Побудьте там долго-долго, только тогда сможете проникнуть в смысл Лесной Жизни.

Приходите летней тёмной порой в Ночной Лес. Хотя сделать это и непросто. Ночной Лес всегда полон тайн и просто так к себе не впустит. Молчаливо и грозно, как крепостные стены, неприступно стоят в ночной мгле лесные опушки, а ну попробуй преодолеть их. Ночной Лес чарует, завораживает, наводит страх своей мрачной и необъятной громадой, и немного пьянит запахом грибов и ягод, перемешанным с вязкой и упругой темнотой, в которой ничего не видно на расстоянии вытянутой руки. Есть в нем что-то мистическое, завораживающее, колдовское, какое-то жуткое очарование, отчего сердце вдруг начинает учащенно биться, да так сильно и громко, что звук его ударов заглушает шорох сухой травы и шум прошлогодней листвы под ногами.

Ночной Лес – это и тихий, еле слышный, но грозный шепот елового бора, и шелест ласковых и стройных берёз, рябин и осин, и насупленные в темноте лесные опушки, и неожиданно пугающий треск сухостоя и наступающая полночная тишина, тишина мертвая и незыблемая. Но всё это только кажущееся впечатление, а оно порой бывает очень обманчиво.

Ночь в лесу, а тем более ночь в Ночном Лесу – событие очень даже не простое и второстепенное, а, напротив, полное всяких неожиданностей, непредсказуемостей, страхов да незабываемых впечатлений. Нельзя в нём, нельзя категорически зевать и расслабляться, а если дремать или, того более, спать, то только исключительно в полглаза. Всегда начеку! Всегда наготове! Отоспаться можно будет потом в Дневном Лесу, а в Ночном нужна бдительность, бдительность и еще раз бдительность вместе с осторожностью.

Опасность подстерегает везде, на каждом шагу, на каждой ветке, под каждым кустом и деревом, ведь ночь для местных его обитателей – это время не только отдыха, но и охоты. Смотри, лесной житель, не оплошай ненароком! Не прозевай! Смотри и гляди в оба, дабы не потерять невзначай собственную жизнь! В Ночном Лесу умеют искусно прятаться и маскироваться, но и искать умеют не менее искусно.

Стоит Великий Чародей, держа под надзором таинство бытия своих обитателей, где за трагедией смерти, а где и за торжеством жизни. Но Ночной Лес не является сторон-

ним наблюдателем, ибо все обитающие в нём живут по его законам, то есть по Законам Ночного Леса, а посему обязательно он кому-то поможет, кого-то пожурит, а кого-то и сурово накажет. Относись с уважением и любовью к Ночному Лесу, его Законам, Заповедям, Уложениям, Правилам, и он оплатит тебе добром.

Ночной Лес – это и колдун, и волшебник, и маг. Ночью всё и вся меняется в нём, принимает порой самые необычные, причудливые и фантастические формы, виды и обличия. Днём – сучок сухой и невзрачный, а ночью – птица огромная и удивительная, днём – пень обыкновенный и трухлявый, ночью – зверь, страшный и невиданный. Ночью, при лунном свете, и куст обычный может превратиться в медведя большого и страшного, от внезапного порыва ветра пришедшего в дикую ярость, неукротимую, а посему приготовившегося к нападению.

Пришедшего с недобрыми помыслами и желаниями человека Ночной Лес до смерти напугает, унизит и обнесчастит, да так круто может обойтись порой, что тот дорогу в лес навсегда забудет и не только в лес, возможно. Закружить охотника или грибника недоброго да жадного до бесчувствия, свергнуть его в панику, жуткую да необъяснимую, вселить страх, дикий и необузданный, завести в чащу, густую и дремучую, затащить в болото, топкое и непроходимое, для Ночного Леса дело пустяковое, можно даже сказать копеечное дело для него. Такое он сделает играючи, как бы шутя и по-

смеиваясь, да и сил с возможностями у него для такой забавы более чем предостаточно. Ну, а если его рассердить основательно или обидеть серьезно, то в отместку упрячет Ночной Лес Луну за густыми деревьями, закроет своими кронами и ветками звезды на небе, напустит Мглу непроглядную, да так закружит, заводит, запугает, что навсегда отобьет желание в лес ходить, а бывает и трагедией все заканчивается. Очень серьезно надо подумать, прежде чем в Ночной Лес идти.

Опасен он только для злого, недоброго, жадного и корыстного человека, идущего или пришедшего в лес с мыслями воровскими да разбойными. Таких Ночной Лес на дух не переносит и отомстить за содеянное злодейство порой может очень даже жестоко. Никогда не забывает он обид и нанесенных ран, не в его это правилах, не страдает забывчивостью сей Великий Колдун. Выждет обычно некоторое время и, когда вновь пойдет его обидчик в лес, подстережёт того в укромной, тихом, заветном местечке, да и..., короче говоря, сгинет разбойный человек тот без следа, как будто его никогда и не было. Разве не приходилось хотя бы раз в жизни слышать такие истории?

Не любит Ночной Лес, ой как не любит, людей заносчивых, самоуверенных и необразованных, а поэтому может проучить невежд на будущее за бестолковость их несусветную и неучённость, подсунув, например, им гриб под нос поганый, но не ядовитый, чтоб помаялись те животами, да

не умерли бы из-за глупости, ими же совершенной. И так иногда случается.

Ночной Лес – единый организм, живой и мыслящий, в котором все живут и действуют по одним общим законам и по указанию единого для всех Разума. Если ты добрый и открытый человек, смело ступай в Лес и ничего не бойся. Отнесется он к тебе как к равному, широко распахнет свои лесные двери и разрешит войти в его семью, многодетную и необыкновенно разнородную. Тогда-то человек и сможет изнутри познать Законы Природы и понять смысл жизни лесных обитателей.

Собирать в Лесу можно всё, что растет в нём, всем своим богатством готов он одарить, всем накормить и угостить, поможет справиться с недугом и даже вылечит от болезней тяжёлых, но главное следует помнить одно из самых его важных Правил: «Не жадничай, не торопись, не сори, не ломай попусту, не руби для потехи или забавы ради».

Не стоит, однако, приходить в лесные чащи человеку жадному и корыстному, очень уж опасно это для жизни, ведь Законы Ночного Леса суровы, и соблюдать их надо неукоснительно и обязательно. Всех своих обитателей Лес любит отцовской любовью, все равны для него: и Муравей-малыш, и Лось-гигант, и Заяц-трусишка, и Медведь-силач – всех он нежит и балует, ибо они дети его лесные.

Правда, есть у Ночного Леса исключение из правил, одно единственное, но оно есть, хотя и не должно быть таково-

го. Среди всех обитателей, любимых и обожаемых, имеются у него и те, кого он особенно привечает и выделяет, а посему и доверяет им более чем кому бы то ни было другому. Именно им дает Колдун-лес самые важные, ответственные, трудные и опасные поручения, за выполнение которых не возьмется никто и никогда на свете, ибо только они способны выполнить невыполнимое, а посему и пользуются особым доверием Великого Чародея. Называют их по-разному: лесными санитарами, серыми разбойниками и даже жестокими убийцами. Но Ночной Лес считает по-другому и называет их своими Братьями и Лесными Центурионами. Это – волки. верные друзья Ночного Леса, его надежные помощники, стойкие защитники и строгие законники. Но, главное, они – глаза, уши и зубы Великого Колдуна, они – его опричники, когда следует проверить исполнение и, если надо, призвать к соблюдению строгих лесных законов и уложений. Это они по решению Суда Леса Ночного исполняют приговор и чинят расправу, суровую и справедливую, но скорую и неотвратимую. Безгранично любит их Ночной Лес за беззаветную преданность и рыцарскую честь, и волки в ответ платят бескорыстной любовью и искренним уважением Отцу своему – Ночному Лесу. Вместе с ним они строго следят за соблюдением всеми лесными обитателями порядка, правил и законов, строгих и жестких на первый взгляд, порой жестоких, но справедливых и жизненно необходимых.

Высшее достижение лесной разумной цивилизации –

жизнь во имя смерти и смерть во имя жизни. Законы человеческого общества для лесных обитателей недействительны и неприемлемы, а посему исполнению не подлежат.

Основной Закон Ночного Леса и Лесного Сообщества гласит: «Ничто не может и не должно заставить лесного жителя убить себе подобного и не быть ему оправданным в случае попраения сего единого и обязательного для всех Закона, ибо не подлежит он помилованию, но смертную казнь заслуживает». А потому придуманная людьми фраза «человек человеку – волк» неверна по сути своей и по форме, да к тому же является полным абсурдом и незаслуженной обидой для всего Волчьего Братства. Волки живут по Закону Стаи, который гласит: «Волк волку – волк», но никак не человек. Эти гордые и смелые лесные звери – пример благородства, верности, преданности, мужества, отваги, нежности и любви. Волки все друг другу волки, а на их языке сие означает и братья, а, стало быть, они и одна семья. Волчий разум, звериный и дикий по отношению к себе подобным выше разума нашего, человеческого! Не может и не должен волк убивать волка, и мать-волчица никогда не убьет чужого волчонка, но вскормит его своим молоком, вырастит и воспитает, как родного. И слабого, больного, немощного, старого волка убивает не сильный волк, а тем более не Стая, в которой царят уважение и почитание старшего, как более мудрого. Он крови одной с ними и потому брат, не раз ходивший вместе со всеми на охоту, а посему в самый страшный голод и лю-

тый холод не помыслит сильный волк и Стая убить слабого, беззащитного и беспомощного собрата даже ради спасения своих собственных жизней. Любовь и нежность друг к другу объединяет этих диких зверей вместе. Они – одна семья, одна команда, они все – Волки!

Старый волк, когда наступает время покидать лесной мир, сам уходит из Стаи и умирает добровольно в гордом одиночестве, как настоящий, лесной воин, рождённый свободным. И никто в лесу не посмеет выполнить обязанности палача и убить старого, немощного и больного волка – брата своего по крови и по разуму. А если кто и найдется, то быть ему тогда отвергнутым Стаей и Ночным Лесом, наказанным и проклятым, так как волк, убивший волка, уже не волк, а поэтому не подлежит он прощению и пощаде. Вот это и есть истинный Закон Волчьей Стаи, предписанный ей Хозяином, то есть Лесом Ночным – Колдуном Великим, никого себе равным по силе не имеющим.

А убийства в Ночном Лесу, конечно же, случаются, причём, весьма часто, но совершаются они не пустого дела, развлечения, похоти или забавы ради, а исключительно для продолжения жизни рода своего. Таковы уж лесные законы, суровые и справедливые, жестокие и логичные – смерть во имя жизни.

Но вот человеку никогда не жить в разумном лесном сообществе, в котором царят взаимоуважение, любовь и благородство. Не примут его дикие звери в большую свою, друж-

ную и разнородную семью, да и Единый Разум Ночного Ле-
са отвергнет человеческое существование, как отторгает жи-
вой организм инородное тело, случайно в него попавшее,
ибо только человек убивает себе подобного без особых на то
причин.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Человек углубился в самую лесную чашу. Он подошёл к двум сросшимся елям, с трудом протиснулся между их стволами, и тут же дикий урман расступился перед ним, открыв большую, почти круглую поляну. В самом её центре возвышался холм, на вершине которого росла высокая сосна-красавица. Незнакомец направился прямо туда, где под корнями дерева лежал необычного синего цвета камень. Это было место тайное и заветное, известное только избранным и посвященным. Именно здесь собирал Ночной Лес всех своих обитателей на Суд, праведный и скорый. Именно здесь он кого-то милостиво щадил и прощал за совершенные ими проступки, а кого-то, наоборот, жестоко карал и наказывал.

– Ну, как поживаешь? Нашёл ли ты кого-нибудь, кто поверил бы тебе и, поверив, выполнил бы просьбу твою лишить тебя жизни? – грозно спросил пришедшего на холм Ночной Лес. – Если нет, то для чего же тогда пришёл сюда? Что хочешь от меня? Я не звал тебя и не приглашал!

– Смерти желаю! Немедленной смерти и, если можно, скорой! – ответил человек

– Смерти, говоришь? Ты хочешь умереть? Тут же, сию минуту? А жить? Разве жить человеком тебе не по нраву?

– Я не могу и не хочу быть человеком, ибо волком рождён и волком хочу закончить жизнь свою! Каждому – своё!

Не смог я стать человеком, и не стану им никогда! Люди живут по совершенно другим законам, неприемлемым для нас!

– А когда ты нарушал наш Закон, убивая собрата своего, разве возникла у тебя мысль о том, что придётся держать ответ перед Стаей и Лесным Братством за содеянное преступление? Ты что, забыл, что волк не убивает волка?

Человек ещё ниже склонил свою голову и ничего не ответил. Он, молча, стоял на месте и затем повёл взглядом вокруг себя. На плоской вершине холма на фоне предрассветного неба тёмными силуэтами, сверкая серебристой шерстью в лучах не зашедшей ещё луны, ночными призраками сидели по кругу волки, которые когда-то давно из-за его предательства и вероломства были изведены и перебиты полностью. Звери расположились по краю круглой площадки и из-под лба свирепо и ненавидяще смотрели на бывшего своего соплеменника.

– Виноват! Простите братья! – только и смог сказать тот, кто когда-то был волком. Он упал на колени и ещё ниже склонил свою голову, отчего волосы, обильно окрашенные сединой, в лунном свете заблестели тяжёлым холодом серебра.

– Встань! Негоже волку умирать униженным и на коленях! Мы прощаем тебя! Ты свободен! – громовым голосом крикнул Великий Колдун.

Простили его волки, простил его и Колдун, а поэтому и подарил в знак прощения смерть, скорую и быструю,

не стал далее исполнять своего проклятия Ночной Лес, пожалел он бывшего собрата, да и по Лесному Уложению предписано: «Убивать жертву свою следует сразу и мгновенно, не чиня ей страданий жестоких и мучений бессмысленных!» Закон тот один для всех, и нарушать его никому не положено, даже самому Лесу Ночному.

На охоте происходят порой самые невероятные и неожиданные встречи. Довелось мне как-то в конце давешнего лета заехать в глухие места, которые издавна славились среди охотников не только обилием дичи, но и всякими странностями, случавшимися в тех окрестных лесах.

Должен откровенно признать, что увлечение охотой породило в моём сердце не одно лишь желание к добыче и трофеям, а страсть к путешествиям да исследованиям новых, ещё не виденных и не изведанных мною мест, да знакомство с интересными людьми. Пожалуй, этот момент был для меня главным в моей бурной охотничьей жизни.

Окрестные же леса, поля и луга буквально завораживали своей действенной красотой, столь хороши были они и живописны своей первобытной красотой. Берёзовые рощи с перелесками, сосновые да еловые боры с богатыми черничниками, клюквенные болота, раздольные пойменные и заливные луга кишели разной и всякой дичью, которая порхала, летала, прыгала, ползала, скакала, щебетала повсюду, куда

ни кинь взгляд или ни поверни голову.

Погода стояла преотличнейшая: тёплая и сухая, а посему и настроение у меня было подстать наступавшему дню, который как по заказу обещался быть погожим и вёдренным.

Открыть охоту я решил по совету хозяина дома, у которого остановился на постой, в районе одного урочища со странным названием Скитиново и попромышлять там дупелей да бекасов. Место то самое находилось недалеко от деревни, часа два ходу не более, поэтому добраться до него было несложно, сначала по прямой просеке через лес, а там немного полем.

Охота складывалась для меня весьма удачно. Мой верный друг и помощник, английский сеттер Теодор, работал отлично, самозабвенно и с большим энтузиазмом. Время летело быстро. Незаметно наступил вечер. У меня уже было добыто достаточное количество дичи, и я решил возвращаться домой, к тому же обратный путь, как правило, от усталости всегда бывает неблизким. Перспектива же заночевать в поле меня совершенно не радовала.

Хотя в течение всего дня ничто не предвещало ухудшения погоды, даже, наоборот, все приметы указывали на то, что ожидается хороший, тёплый вечер: жёлтый закат, тихий ветерок, но вышло всё по-другому. Комары, толкущиеся столбом, и кузнечики, стрекотавшие громче обычного, как бы демонстрируя свою готовность к погожему завтрашнему дню, в тот вечер меня обманули.

Небо неожиданно, будто наступила глубокая осень, затянуло тяжёлыми, низкими и мрачными, пропитанными сыростью, облаками, к которым, казалось, протяни руку, встань чуть на цыпочки или на пенёк, и можно прикоснуться пальцами и окунуть в них свои ладони. Они ползли почти над самой землёй, а потому и укрыли плотной непроницаемой пеленой ещё не зашедшее за горизонт солнце и заставили замолчать всех птиц, пчёл с кузнечиками и прочей мошкаррой, до этого во всё горло певших, жужжавших, стрекотавших и оттого покусывавших нещадно меня и мою собаку.

В неожиданно наступившей тишине вдруг прошёл дождь, вначале сильный, а затем перешедший в мелкий, моросящий, холодный и весьма противный. Правда, на моё счастье нежданное ненастье оказалось коротким, иначе быть бы мне промокшему до нитки, если бы бусенец затянулся хотя бы на час, так как ничего, что бы защитило меня от внезапно разверзшихся небесных хлябей, под рукой не оказалось, кроме, конечно, густых лесных крон и кустарников.

С окончанием дождя погода, к сожалению, не улучшилась, а даже наоборот немного ухудшилась, ибо основательно похолодало. Настроение моё было далеко не радостным: до дома ещё оставалось идти весьма приличное расстояние, одет я был довольно легко, и ноги мои, до самых колен, окончательно промокли. Перспектива промёрзнуть до костей меня, конечно, не пугала, но и не радовала, так как вполне можно было схватить простуду, чего очень не хотелось.

Пребывая не в самом лучшем расположении духа, я продвигался вдоль лесной опушке, как вдруг увидел среди деревьев ярко горевший костер. Мне даже показалось, что я почувствовал тепло, идущее от его огня. Решение: обогреться у костра, было принято мгновенно, да и потом с такими богатыми трофеями, как у меня, грешно было бы пройти мимо и не заглянуть на огонёк, не похваставшись перед сидящими около огня охотниками своими успехами.

По великому секрету можно сказать, что охотники люди весьма и весьма честолюбивые, и ни один из них не пройдёт мимо другого, не продемонстрировав добытые трофеи даже невзирая на свою усталость, голод и холод. Хотя непогода меня здорово измотала, и с самого утра во рту не было и маковой росинки, но я не был исключением из правил, а посему, нисколько не сомневаясь, направился напрямик к костру.

Как и предполагалось, возле огня под навесом из еловых ветвей сидели местные охотники. В котелке у них что-то чрезвычайно аппетитно булькало, на импровизированном столе лежала и стояла всякая вкусная домашняя еда, от вида которой у меня даже засосало под ложечкой. У костра было тепло и уютно. Видя, что я промок, да и собака моя продрогла, оттого и дрожала, стуча громко зубами, они тут же пригласили меня к огню, освободив самое удобное место возле него. Местным охотникам, конечно же, не пришлось долго упрашивать нежданного гостя, а я и не ломался, так

как здорово устал, да и шёл к ним именно с одной целью – отдохнуть, обогреться да поговорить по душам.

Вложив свою долю из добытых трофеев в «общий котел», я решительно остался с ними, чтобы заночевать у костра и заодно послушать охотничьи рассказы или, как мне нравится их больше называть, прикостёрные прибаутки.

Охотники, сытно поужинав, покуривали у костра, попиивали, прихлёбывая, горячий чай из алюминиевых кружек и говорили о своих заботах. Постепенно дело дошло до былей и небылей, до всяких страшилок и ужасиков. Вот тут-то я и услышал легенду о лесном колдуне, который может напустить на нерадивого и жадного человека всякие несчастья, но вот только кто он этот самый колдун, то ли сам Лес, то ли мужик какой из местных, я понять не смог.

Справедливости ради стоит признать, истории те были красивые и даже поучительные, но такие во множестве мне приходилось слышать, как правило, всегда и везде, где собирались вместе два или более моих коллег по увлечению.

Охотники, что рыбаки, обычно после хорошего и плотного ужина в хорошей компании полностью отдаются в руки бурной и неумной своей фантазии, подробно рассказывая о своих приключениях, но всякий раз с разными вариациями и подробностями. Расспрашивать же подробности и уточнять что-либо, у меня просто не было сил, так как жутко хотелось спать. За день ведь пришлось довольно много походить, поэтому-то после ужина, согревшись и насытившись,

разомлел я немного, да и задремал против своей воли на «ходу», как это всегда бывает, не дослушав до конца всех рассказов.

Мои новые знакомые тем временем, бог невесть о чём, ещё долго говорили, о ком-то судачили и из-за чего-то спорили. Но скажу честно, что к истории о Ночном Лесе и его могуществах я отнесся довольно скептически. Мало ли что люди понаболтают да понапридумывают, на то они и люди, чтобы фантазировать, без этого жизнь была бы слишком пресна и тосклива.

Густые сумерки тем временем совсем уже окутали опушку леса, похожего в темноте на крепостную стену старинного рыцарского замка. Ночь накрыла и нашу небольшую поляну, где мы вечеряли.

Ненастье закончился, тучи рассеялись, и на небе замерцали звёзды. Из-за леса показалась Луна. Костер наш горел весело и бодро, потрескивая сухими берёзовыми дровами, было тепло и уютно, и постепенно все начали готовиться к ночлегу.

Где-то вдали вдруг проухал филин, деревья неожиданно сильно зашумели, хотя ветра не было, филин ухнул еще раз, и все стихло. «Смотри-ка, а Лес-то Ночной сердчает на нас за что-то! Может, лишнего чего настреляли? Ишь, как расшумелся? Да и филин не к добру кричит!... Обойдётся! Не в первой напоминает нам о том, что вести себя нужно правильно, без жадности и корысти надо за дичью прихо-

дить.... А у нас всё в норме...», — тихо начали переговариваться между собой местные охотники, опасливо озираясь вокруг себя. Вот именно после этого, помню как сейчас, и произошла та необычная для меня, неожиданная да негаданная встреча.

А началось всё с того, что на поляне появился человек, причём появился вдруг и как бы ниоткуда. Сон с меня сошёл мгновенно, как только из темноты к костру шагнул пришелец, причем в тот миг мне показалось, что неожиданный гость возник как-то сам по себе, словно призрак, вышедший из холодного вязкого сумрака наступившей ночи.

Незнакомец был не молод, но и старым назвать его я не рискнул бы. Возраст незваного гостя определить было затруднительно, так как темнота не позволяла сделать это, а слабый огонь уже почти прогоревшего костра не в силах был помочь мне разглядеть внимательно пришедшего человека. Но думаю, если бы кто-то и сказал, что «возникшему из темноты» гостю было где-то в пределах между 30-тью и 45-тью годами, то наверняка не ошибся бы. Роста незнакомец был чуть повыше меня, немного сухощавый, но плечистый и довольно крепкого телосложения. Походка его, легкая и пружинистая, говорила о том, что человек он весьма осторожный, но, вместе с тем, быстрый и стремительный. Гость мой неожиданный ступал так тихо и аккуратно, что ни один сухой сучок не затрещал, ни один листок и ни одна травинка не зашуршали под его ногами. Во всем теле незна-

комца чувствовалась какая-то неукротимая звериная сила. Внезапно затухший костёр как-то сам по себе разгорелся и, вспыхнув ярким пламенем, и на мгновение высветил лицо пришедшего человека, или не... Но, скажу честно, мне тогда другие мысли и сомнения в голову не приходили.

Итак, костёр вспыхнул, и этого короткого мига яркого пламени мне хватило для того, чтобы успеть рассмотреть вышедшего из темноты мужчину. Лицо незнакомца имело правильные черты, и его можно было бы назвать даже красивым, если бы не шрам, огромной уродливой бороздой пересекавший всю его правую щеку от нижнего века и до самого подбородка. Как только я увидел этот след жуткого ранения, сердце моё забилося вдруг учащённо и сильно, гулко отзываясь пульсирующими ударами в барабанных перепонках. – Господи! Да кто ж его так изуродовал? Прямо жуть! Ужас и только! – промелькнула в голове вполне естественная мысль.

Незнакомец, словно поняв, о чём я подумал, криво ухмыльнулся, но ничего не сказал. Мы стояли напротив друг друга и, не смотря на вновь наступившую темноту, в сполохах кострового огня я всё-таки смог, успел даже увидеть и рассмотреть выражение его лица. Самое главное, что вызвало моё искреннее удивление и даже смятение так это то, что, хотя сам незнакомец и смотрелся очень даже мужественно, но какая-то фатальность или обречённость, я бы сказал, покорность судьбе, проглядывались в его глазах, печальных

и умоляющих. Он смотрел на меня, не мигая, остро и пронизывающе, как смотрит зверь на добычу, когда готовится к завершающему броску. Но, может, мне это только показалось? Да, наверное, пригрезилось.

Лицо моего ночного гостя было немного грустным и виноватым, как у человека, постоянно живущего под грузом когда-то совершенной им ошибки или ещё какого-либо более страшного проступка, за который не было отпущено ему прощение. Про себя я назвал незнакомца «стариком», так как волосы его длинные, почти по плечи, были абсолютно седые. Стариком мой гость, конечно, не выглядел, но такое обращение к нему само напрашивалось на язык.

Чем дольше находился у костра незнакомец, тем больше росло моё и без того небывалое удивление. «Почему?» – спросите вы, да по очень простой причине – никто из охотников, сидевших вблизи огня и готовившихся отойти ко сну, не обратил на гостя, внезапно появившегося в нашем лагере, абсолютно никакого внимания, будто его здесь не было вообще, и они его не видели и не слышали.

Только, Теодор, верный мой друг и помощник, проявил себя, как и положено собаке. Правда, повёл он себя весьма странно. Вначале мой охотничий пёс, внезапно оскалившись, и с поднявшейся дыбом на загривке шерстью, без страха и колебаний ринулся на незнакомца с решительным намерением крепко хватануть того за ногу и, если не обратить в бегство, то хотя бы остановить и напугать. Но...

Моему удивлению не было границ, ибо охотники, позёвывая и не обращая совершенно никакого внимания на ночного гостя, стоявшего тут же, на границе света и тьмы, промеж собой перекинулись всего лишь парой слов, бросив мне: «Кого-то твой пёс в темноте заметил?... Да, наверное, ежика причуял, может хорька или ласку? А может, и другую какую живность? Точно...»

Тем временем, не добежав, однако, до «старика» совсем немного, мой сеттер вдруг неожиданно развернулся на сто восемьдесят градусов, жалобно заскулил, поджал хвост под самый живот и, боязливо озираясь назад, чуть не пополз обратно. Таким его я никогда не видел. Он, дрожа всем телом будто напуганный до смерти, так сильно прижался к моим ногам, что никакая сила не смогла бы его оторвать от них, чтобы заставить вновь совершить нападение на пришельца. Я был крайне удивлен поведением своей собаки. Такой поворот событий немного поразил меня и огорошил, поэтому я и сказать-то ничего не успел, как один охотник ещё не зашнувший весело засмеялся, приговаривая: «Испугал кто-то собачку-то! А что здесь странного? Говорят, собаки могут видеть то, чего человеку не дано. У нас бывало, кобель как начнёт вдруг лаять в сених на потолок или на угол тёмный, голову задерёт и ну, себе брешет, заливается, пока во двор его не выгонишь. Наверное, на домового, а может на кикимору, или ещё на кого!»

Он повернулся в мою сторону и, не замечая пришедшего

гостя, натянул на голову лацкан своей куртки, дабы комары не особо докучали, и захрапел, как ни в чём не бывало.

– Странно, – подумал я, – весьма странно, что они не обращают никакого внимания на незнакомца! А может, они его не видят? А только я..., да ну!? Чушь собачья!!! А может он привидение, а может оборотень? Глупости, глупости! Взрослый ведь человек и такое удумал, прямо как ребёнок малый! А если разбудить мужиков и спросить? Нет, не буду, а то и впрямь ещё на смех поднимут. Мол, городской приехал, понапридумывал всякого, напугал сам себя, а теперь вот несёт со страху бред и невесть что! Наверное, они просто знают этого человека, а посему и не обращают на него внимания, со мной ведь тоже не носились как с писаной торбой. Я вон пришёл, ну и пришёл, садись к огню, угощайся, не захотел бы, уговаривать наверняка не стали бы. Так и с ним, с незнакомцем!

Такие вот мысли беспорядочно носились в моей голове, когда ко мне начал приближаться тот, кого я назвал про себя «стариком». Правда, моё замешательство длилось недолго, какие-то секунды. Я быстро пришёл в норму и только уже хотел что-то сказать моему ночному гостю, как «старик» опередил меня, заговорив тихим, приглушенным, но приятным, немного хрипловатым голосом: «Добрая ночь, охотник! Мир дому твоему и удачной охоты!»

Я так понял, что пришедший обратился исключительно ко мне, игнорируя всех остальных находившихся у костра, хотя,

кроме меня, ему желать успехов было некому, а это и не удивительно, ведь никто ему и не смог бы ответить, так как местные мужички уже давно спали. Пришлось мне самому принимать нежданного гостя.

– Садись, добрый человек, угощайся тем, что есть на столе, – пригласил я незнакомца, потрёпывая по шее своего всё ещё испуганного пса, лежавшего у моих ног, но при этом дрожавшего и злобно ворчавшего на незваного, а потому и не понравившегося ему, пришельца.

«Старик» тем временем поблагодарил меня за приглашение, присел у костра и задумался о чем-то своём. Молчание наше немного затянулось. Я не знал о чём спросить гостя, поэтому и задумался с чего бы начать разговор с незнакомцем, но на ум почему-то не приходило ни одной умной и стоящей мысли, так, одни дежурные фразы типа: «Как дела, как погода, как охота?»

Молчание затягивалось, и оттого обстановка становилась ещё более неловкой и тягостной. Я уже, было, стал подумывать про себя: «А не оставить ли мне старика одного. Еды, вон, полно! Всё стоит на столе, пусть ест и пьёт, сколько сможет, но без меня, а...»

– Да не старик я, не старик, – прервал вдруг мои тягостные раздумья незнакомец, – мы с тобой..., – он окинул меня взглядом с ног до головы, – поди одногодки? А потом, если тебе пора спать, так ложись! Я посижу тогда ещё немного, обогреюсь, а то зябко что-то стало, да и пойду по своим де-

лам!

Его хитрая усмешка, с которой он сказал эти слова, заставила меня вздрогнуть от неожиданности и густо покраснеть просто оттого, что мысли, которые мне приходилось скрывать, на деле оказались абсолютно правильно угаданы, будто были сказаны мною вслух, а не про себя. Я понял, что попал в какое-то неловкое положение, и теперь не видел выхода из него, ибо совершенно не предполагал, что же мне сказать и как должно оправдаться за свои столь бестактные мысли, но в голове была одна лишь пустота.

Незнакомец не стал ждать моих объяснений, оправданий и заверений, а наоборот, увидев моё смятение, только вновь ухмыльнулся, понимая кивнув головой, как бы в знак того, что принял моё смущение за извинения, и продолжил: «Ну? Как успехи? Много дичи настреляли?»

Я облегченно вздохнул, в глубине души обрадовавшись, что не придется выкручиваться из весьма щекотливой ситуации за свои бестактные мысли, а поэтому даже излишне торопливо и громко, а от того чуть заикаясь, чем опять вызвал усмешку «старика», ответил: «Мои успехи? Да ничего!»

Как только я произнёс свою последнюю фразу, то есть два последних слова, тотчас за моей спиной раздалось веселое хлопанье крыльев, бодрое квохтанье, задорное щебетание, но я не придал этому никакого значения, мысль о том, что после полуночи птицы вроде как летать не должны, меня посетила. Незнакомец, правда, довольно рассмеялся и, весело

потирая руки, сказал: «Вот именно, что ничего!!! Пустое место! А ничего – это означает, что ни-че-го!» – по слогам произнес он слово «ничего».

«Ладно, – подумал я тогда, – у человека хорошее настроение, радуется без причины, а может и по причине? Откуда мне знать? Пусть посмеётся, жалко мне что ли?»

Несколько минут, или более, мы вновь пребывали в полном молчании, думая каждый о своём. Разговор явно не клеился. Мой гость сидел тихо, не двигаясь, будто внимательно прислушиваясь к чему-то там в темноте. Он еще раз своим пронизывающим взглядом посмотрел мне в глаза и, улыбаясь открыто и доверительно, вдруг твердо спросил: «Ну что? А смог бы ты, скажем, убить...», – он чуть замялся, а я его тут же, но с замирающим вдруг сердцем, спросил и, видимо сбил с мысли, которую он хотел закончить, – кого убить?»

Меня внезапно охватило сильное волнение, которое последовало сразу после его странного вопроса. От пронизательного взгляда незнакомца не укрылось это моё состояние, поэтому он и не стал повторять свой вопрос, только опять криво ухмыльнулся и заговорил на другую тему, поведя разговор в совершенно неожиданно русле: «Не веришь, стало быть, в Законы Ночного Леса, жестокие и справедливые? Вообще сомневаешься, что они существуют? А зря! Хозяина обижать нельзя. Он этого не прощает! Да, и вообще никого обижать нельзя, особенно братьев своих по крови». После этих слов, особенно насчёт того, что обижать никого нельзя,

он как-то грустно улыбнулся, как бы подтверждая, доказывая самому себе правильность своего же утверждения и одновременно соглашаясь с ним.

Я ничего конкретно не ответил ему, но довольно неуверенно промямлил какую-то дежурную фразу, думая про себя совершенно о другом: «Какой ещё хозяин? Кого обижать нельзя? Чего он загадками говорит? Бред какой-то! Может он пьяный?»

Незнакомец же, не обращая внимания на мое скептическое настроение и мысли, продолжил: «Послушай, что я расскажу тебе. А вот верить или нет – это уж твоё дело! Поверишь – хорошо! Потому как мне нужно...», – вдруг он резко прервал начатую речь, чуть ли не ладонью прикрыв рот, чтобы не проболтаться о чём-то очень важном, по крайней мере, я так понял его странное поведение.

– Не веришь, значит, в существование Ночного Леса и его Законов? – вновь в который раз повторил свой вопрос незнакомец. В голосе «старика» чётко прозвучали нотки сожаления и обиды на моё неверие его словам.

– Только человеку, верящему искренне и всем сердцем в Сказки и Волшебство, откроется неведомый Мир Леса, самые его потаённые места, тихие и заповедные. Только такому человеку и никому другому покажет Лес заветные и укромные уголки свои, дабы смог тот человек постичь и понять Лесную Душу, проникнуться уважением ко всем его обитателям и полюбить их, – еле слышно проговорил

«старик».

– Ты ещё скажи, что они, эти лесные, обитатели мудрее, толковее и умнее людей, что законы у них не чета нашим. Мне такие истории приходилось уже слышать, я ведь давно лесую, то есть охотничаю, и потому думаю, человеку не стоит жить по законам леса, ведь не даром, когда говорят о жестокости, то всегда вспоминают волков и волчью стаю! – довольно дерзко бросил я в ответ.

– Да это просто глупцы, кто так говорит, – бесцеремонно и даже немного грубовато перебил меня «старик», – вам, людям, не ведомы те из лесных законов, по которым живут там, – кивнул головой в сторону темноты, где на фоне звёздного неба мрачными силуэтами башен возвышались своими верхушками деревья.

– Как ты сказал? Вам? Так ты хочешь сказать, что сам из.... – хотел я было развить свою мысль, ибо в словах рассказчика прозвучала довольно странно, случайно обронённая им фраза, которой он как бы отделял себя от людей. К тому же, в его глазах мелькнули необычные огоньки, присущие зверю, но никак не человеку.

– Да оговорился я, оговорился! – поторопился успокоить меня мой ночной гость, – только глупости всё это, что слышал ты про волков и, вообще про всех лесных обитателей. Я сейчас тебе расскажу одну историю, о которой не прочтёшь ни в одной книге. Слушай внимательно, повторять не стану! Все почему-то считают, что лес он и есть лес – деревья,

кусты, буреломы да звери неразумные, живущие инстинктами. Верно! И спорить с этим утверждением никто не собирается. Но надо взглянуть на Лес с другой стороны. Это ведь целый организм, сложный, разнообразный и многоликий. В нём столько всего имеется, что сосчитать невозможно, и жизни не хватит это сделать! Попробуй-ка управиться с таким хозяйством? А? Вот то-то и оно! А, он, кстати, управляется и никто из его обитателей на него не в обиде, даже я, – тихо-тихо произнёс «старик» два последних слова, которых я не услышал, но даже если бы они и долетели до моего слуха, то их смысл навряд ли дошёл до меня в тот момент.

– А законы у Леса есть, и законы те весьма и весьма серьёзны, нарушение их карается очень жестоко, – продолжил ночной гость после небольшой паузы. – Ладно, слушай, чего зря время терять, утро скоро!

Случилось это давно, лет..., эдак, 80—90 назад, а может быть и больше или меньше, никто уж точно и не скажет. Говорят, правда, что живы еще, вроде как, даже старожилы тех мест, где всё произошло, которые как бы были очевидцами тех событий, или это были их родители или деды их..., вообще неважно, ибо суть в том, что произошедшие события те дальние имели место быть в действительности. Да, и связаны они как раз с окрестностями, где ты охотился в течение

всего дня, и мы сейчас сидим...

Нужно сказать, что в давние те времена леса здесь были более густыми, дикими и дремучими, нежели нынешние. Это уже после их повырубали, повыжигали люди, да болота все повысушивали, а тогда-а-а...! – мечтательно протянул гость, словно сам жил в те далёкие годы в этих местах, – тогда живности всякой и разной водилось здесь, в лесах, то есть, этих самых и болотах топяных, прямо видимо – не видно. Ну и, конечно, волков было весьма много. Летом ещё ничего, не сильно докучали местным жителям, потому как сыты они были летом, а вот зимой, когда время холодное и голодное наступает, дела совсем по-другому обстояли. Как соберутся волки в стаи большие под канун Рождества, то тут уж поберегись, держись начеку. Опасно было вообще ходить по улице, а не только в лес зимний. Один из деревни в деревню, даже на лошади средь бела дня, и подумать не смей, такую облаву устроят, что только держись – живым не уйдешь, ну а если вдруг посчастливится добраться без приключений и целёхоньким, то прямиком в церковь: свечку во спасение поставить. Такие вот дела творились в округе. Деревень-то тогда здесь было поболее, чем нынче, да и народу водилось много по сравнению с теперешними временами.

Сильные, хитрые, ловкие, а главное умные и выносливые звери эти – волки! Жуткий ужас наводили они на местных жителей. Домашний скот: коровы, овцы, даже лошади – пропадал круглый год. А зима пройдёт, так по деревням ни од-

ной собаки не оставалось, как люди говорили: «Днём с огнём не сыщешь!» — всех волки в лес сведут и там съедят, ведь собачье мясо за большое лакомство среди зверей почиталось. Вожаком у них был матерый волк-красавец, не единожды водивший свою Стаю на облавную охоту и совершавший с ней набеги на деревенские стада. Причём умен был, сметлив и хитёр просто до жути. — в голосе ночного незнакомца, когда он говорил о Вожаке, отчетливо прозвучали нотки зависти, злобы и одновременно гордости. Но, может, это мне только показалось? Ночной гость тем временем, не обращая внимания на мои раздумья и наморщенный оттого лоб, продолжал начатый рассказ. — Никакие ловушки, капканы и ловчие ямы не были для него помехой, никакие охотничьи хитрости и уловки не могли заманить его в них. Никак не удавалось поймать Вожака того и других волков из его Стаи. Он и сам обойдет все западни хитроумные, на него поставленные, и всю Стаю свою проведёт без потерь. Волки верили своему Вожаку безгранично, а посему безо всяких сомнений и страха за ним след в след спокойно проходили через все препятствия, специально для их поимки сооружённые. А у Вожака к тому же был один коронный номер, он обычно, как бы в насмешку над людьми, старавшихся изо всех сил поймать его, приманку с капканов снимал. Вот уж поиздевался волчища над охотниками, покуражился над егерями! И обкладывали зверей множество раз, и загоны устраивали, да только всё напрасно, так как он с удивительным посто-

яньством спокойно под флажками пробежал и опять уводил волков, тем самым, спасая всех своих сородичей от верной гибели. Неуловимая Стая та была и Вожак её. А всё потому, что покровительствовал волкам сам Ночной Лес, который почитался среди зверей истинным Хозяином волчьим.

И так из года в год, ну хоть садись и плачь! Но, старость! Она приходит всегда без приглашения. Вот и Вожак вскоре почувствовал её приближение, ведь волчий век не долг, но весьма короток. Замену же ему найти оказалось делом трудным и хлопотным. Не всякому такое по плечу. Задумались волки, затосковали. Правда, был в той Стае один Молодой Волк не по возрасту крепкий, сильный, сообразительный, красивый, ну прямо настоящий Предводитель Стаи, но возрастом он ещё не вышел, да и сородичи не признали в нём к тому времени равного своему старому и беспомощному Вожаку. Волку тому молодому повременить бы, не торопиться, а подождать до поры до времени, да вот только слишком уж нетерпеливый, горячий и самоуверенный имел он характер. Не захотел Молодой Волк ждать, когда старый и немощный Вожак сам уйдет из Стаи в самую гущу леса на одну только ему известную поляну, дабы добровольно умереть на ней в полном одиночестве, умереть свободным и непобежденным волком, как того требует один из Законов Ночного Леса, гласящий: «Каждый волк, будучи истинным лесным воином, волен и должен умереть свободным!» Взял однажды Молодой Волк подстерёг старого Вожа-

ка и убил того, выскочив из засады, убил по-воровски, подло и нагло, чтобы через свой незаконный и злодейский поступок занять место убитого им Вожака и самому стать новым Предводителем Стаи. Да вот только не учёл он самого малого, что не прошло преступление сие бесследно, хотя и совершено оно было под покровом ночи, безлунной и тёмной. Не мог предположить Молодой Волк по неопытности своей, но не по глупости, что об убийстве его подлом и коварном станет известно, что рано или поздно всё в мире, пусть даже самое тайное, становится явным, а в Лесу особенно, где нельзя ничего сокрыть и упрятать от посторонних глаз. Так получилось и тогда, в ночь дикого его коварства.

Зашумел, нахмурился Ночной Лес, разгневался Великий Колдун за попрание основных своих Лесных Законов, застонал он всеми своими деревьями, да так заскрипел ими, что щебет неутомонных птиц прекратился мгновенно в Лесу, ибо затихли они и попрятались, поразлетелись от греха кто и куда подальше. Тишина наступила мёртвая. Даже писк комаров и другой мошкары перестал быть слышен, так сильно перепугались все обитатели лесные. Да что там обитатели, звери да птицы, коли, сама Жизнь в Лесу на мгновенье застыла от страха перед гневом Хозяина, и замерло, оцепенело даже Время от ужаса содеянного вероломства.

Но только Молодой Волк не внял этой странности необычной и не обратил на всё происходившее совершенно никакого внимания, ибо занят был мыслями о грядущем

предводительстве своём и будущей власти. Вероломно презрев Главную Заповедь Стаи и Леса: «Волк не должен убивать волка», – он захватил место Вожака и встал во главе Стаи.

Страшен и неотвратим гнев Ночного Леса, но ещё страшнее гнева бывает его проклятие. Не знал Молодой Волк и не ведал о том, что за нарушение Основного Закона Лесного Братства, который предписывает: «Даже в самую голодную и холодную пору лишён будет Жизни тот, кто убьёт себе подобного!» – предречена смерть ему лютая, смерть жуткая и мучительная. Да только после долгих раздумий решил Ночной Лес в назидание всем обитателям лесным не убивать Молодого Волка, а наложить на него своё проклятие, вечное и страшное.

Волки – звери умные и мудрые. Закон уважают и силу почитают. Они сначала вроде даже как бы признали в Молодом Волке нового Предводителя Стаи, но предательства волки не прощают и не забывают никогда, ибо знают, что предавшей по жизни один раз предаст и во второй, и в третий. Расплата должна была наступить, и она наступила.

Произошло же всё однажды ночью, студёной зимой, когда пришёл в Лес небывало сильный крещенский Мороз. Стужа, говорят, стояла в ту ночь столь жуткая, что вековые деревья оглушительно трещали, лопаясь по стволам вдоль от самой верхушки до корней, не в силах стерпеть дикий холод. Треск тот тревожным эхом отзывался в самой глуши и дальних

уголках дремучего урман. К тому же взыграл вдруг сильный Ветер, а следом за ним и Снежная Буря разыгралась не на шутку, да и Ночной Лес не молчал, а шумел, стонал и скрипел громче обычного. Не думал в тот момент Молодой Волк, не ждал и не предполагал, что Стая, окружив его плотным кольцом, оскалившись и ощерившись, вся разом наброситься на него. Не мог он в одиночку противостоять этому сумасшедшей силы нападению и натиску. Ничего не оставалось ему, кроме как надеяться на быстроту и силу своих ног да ещё волчью выносливость, ... Да, да! Ничего не оставалось ему, кроме... Боже мой! Боже мой! Как я бежал в ту страшную ночь! – мой ночной гость внезапно замолчал. Было видно, что он сопереживал тому неизвестному волку, волновался за него, как за самого себя, ибо лицом незнакомец был бледен, и со лба его обильно, большими каплями, струился пот, сбегая вниз по щекам и по уродовавшему их шраму. «Старик» с трудом проглотил комок, неожиданно подкативший к его горлу. Он отказался от воды, что была в протянутом мной стакане, дабы продолжить свой рассказ, а не терять время попусту. – Бежал так, как не бегал до этого никогда! Летел, словно стрела, выпущенная из тугого лука, ничего не видя вокруг себя и не чуя ног под собой. И не удивительно! Ведь это был бег к Жизни, но не от неё! Да только все труднее и труднее становилось бежать. Мешал ураганной силы встречный ветер, мешал бывший в лицо и залеплявший глаза снег, мешали цеплявшиеся за ноги и тело и раздирав-

шие их в кровь ветки деревьев и кустов, мешали неожиданно возникавшие на пути сугробы, мешало всё, что могло помешать быстрому его бегу. Стая же не отставала ни на шаг, она шла буквально следом и наступала на пятки. Волки бежали по глубокому рыхлому снегу легко и свободно, словно не был он для них препятствием, они будто бы летели над ним.

Но вот ветер уже стал доносить запах дыма, и вдали, наконец, показались спасительные огни человеческого жилья. Да! Да! Да! Он бежал к людям, бежал именно к ним, чтобы у них, своих вечных и заклятых врагов, найти для себя защиту и спасение. И, когда до заветной околицы оставались считанные метры, силы покинули его, и упал он в изнеможении на заснеженный лед замерзшей реки. Стая, не останавливаясь и не раздумывая ни секунды, набросилась на него вся разом и стала рвать, кусать, кромсать, душить, резать и убивать. Лежа на льду реки, истекая кровью и харкая через разорванные губы кровавой слюной в снег, отбивался он, что было сил, от наседавших на него волков. Да только вот силы-то у них были неравные. «Все! Это – конец! – промелькнула в его голове печальная мысль, – вот она смерть лютая и жуткая от братьев своих по крови. Поделом мне! Всё верно! Закон волчий надо блюсти!»

Он был обречен! Ничто и никто на свете не смог бы его спасти от неминуемой гибели, если бы...

Со стороны деревни неожиданно донёсся крик петуха. За-

слышав его, волки отпрянули от своей жертвы, развернулись и быстро побежали обратно в лес, злобно и грозно сверкая глазами. Начинало светать. От смерти его спас Рассвет и Утренний Лес. Только вот спасение ли то было?

Весь израненный, искромсанный и истерзанный лежал он неподвижно на льду замерзшей реки. Немного придя в себя после столь неожиданного и невероятного спасения, из последних сил дополз до проруби, с трудом разбил тонкий лёд, припал к воде разодранными губами и, невзирая на страшную боль, начал жадно пить её, жгуче-ледяную, большими и долгими глотками. Вдруг в воде как в зеркале увидел он отражение своего самого первейшего врага, смотревшего из водной глади прямо ему в лицо. Да нет, не в лицо смотрел враг тот, а в глаза. Это был человек! Забыв о сильной боли, спасшийся чудом беглец быстро вскочил на ноги и обернулся, чтобы встретиться с противником лицом к лицу, но сзади никого не было. Страшная догадка возникла в голове его и, чтобы её проверить, он решился ещё раз заглянуть в воду. Дрожащими от волнения руками вновь разбив лед, уже затянувший водную гладь проруби, во второй раз взглянул на себя беглец. «Не может этого быть!!! – закричал где-то внутри него голос истощено и обречено, – лучше уж смерть лютая и жуткая от зубов братьев своих, чем вечное мучение!» И от этих мыслей, переживаний и смятения в душе рухнул он, широко раскинув руки, на красный от его же собственной крови снег.

Долго ли пролежал беглец, потеряв сознание, на снегу замерзшей реки или нет, то не ведомо, но, наверное, долго, ибо, когда он открыл глаза, вокруг уже было темно. Да только не ночь то пришла, а просто Колдун Великий – Лес Ночной решил сказать бывшему своему брату слова последние и наказные. А потому отступил вдруг Рассвет, замер на мгновение, оцепенев от ужаса и страха, Утренний Лес и остановилось само Время, пропуская впереди себя того, по чьим Законам все живут и существуют. И тогда чудом спасшийся беглец всем своим телом человека почувствовал ледяное дыхание Леса Ночного, и затем услышал слова Хозяина, тихие и грозные, сказанные медленно и разборчиво на самое ухо: «Быть тебе тем, кем стал, вечно, и нет тебе прощения за злодеяние, тобой совершенное. Лишь тогда сможешь вернуть всё своё, коли, найдёшь человека, который поверит в рассказанную тобой историю и поймет тебя, а, поняв, пожалеет, и, пожалев, согласится убить тебя по твоей же просьбе! Но знай и помни, что умирать будешь долго, мучительно и человеком!!! Однако ежели кто-нибудь и единожды одобрит твой поступок, навечно останешься с людьми и забудешь навсегда, что когда-то был волком рождён!»

Ночной Лес никогда не мстит, но карает жестоко за попрание Законов Чести, кои соблюдать должны все лесные обитатели. Кара его неотвратима, но всегда справедлива. Не суждено было Молодому Волку умереть в ту жуткую ночь, да и во все последующие тоже. Ночной Лес не собирался заби-

рать у него жизнь. То было его Проклятие.

От деревни к проруби бежали мужики, кто с вилами, кто с палками, некоторые даже с ружьями, громко крича и размахивая на бегу руками. Они плотным кольцом обступили несчастного парня, качали головами, цокали языками, крестились, подошедшие женщины ещё и плакали, а испуганные дети, которые прибежали вслед за взрослыми, так вообще рыдали почти в голос, увидев последствия волчьего нападения. Укладывая раненого на тулуп, мужики тихо переговаривались промеж собой:

– Ишь ты, смотри-ка, живого места на парне нет.

– А одежда-то его где? Ведь совсем голый, да на таком морозе. Удивительно, как не помер ещё, не заledenел от стужи дикой?

– Ну, ежели теперь парень выживет, то лет до ста проживет, али больше!

– Это точно. Кто в волчьей пасти побывал и в живых после этого остался, тому целый век отмерен, если не полтора. Спора нет!

– Вот, что может случиться с волком, убившим волка, – закончил свой рассказ незнакомец.

– А как же стая та волчья? – спросил я рассказчика.

– Какая стая? Ах, да, стая! Стая та, волчья? – отрешённо пробормотал незнакомец тихим голосом, мыслями, по моему, находясь ещё на снежной реке вместе с крестьяна-

ми, нашедшими раненого человека, — а волчью стаю, кстати, той же зимой всю без остатка выбили, — пробормотал он еле слышно, — под корень выбыли всю стаю. Таких зверей!!! Окружили, офлажковали охотники волков тех и перестреляли всех без остатка, и молодых, и старых. Лишил стаю ту, наверно, Ночной Лес покровительства за то, что не предотвратили волки своеволия молодого своего собрата, попрали Лесной Закон, позволив убить старого Вожака, — добавил он таким тоном, будто бы в чём-то перед кем-то оправдывался или хотел оправдаться.

— Да, интересная сказка! — сказал я ночному гостю.

— Ты, думаешь, это сказка? — спросил меня незнакомец, стараясь заглянуть в мои глаза. Я только рассмеялся, думая про себя: «Экий, право, странный человек. Он считает меня совсем за дурачка, что ли? Да, скажу честно, мне не приходилось до нынешнего вечера слышать такие истории. Только, конечно же, это — сказка! Прямо сейчас я так ему и поверил! Был волком и вдруг стал человеком! Чушь! Ерунда! Сказка!»

Правда, говорить своему ночному гостю о своих мыслях я не стал, подумать, правда, подумал, но вслух сказал совсем другое: «Простите, Бога ради, но любая сказка она на то и сказка, чтобы быть невероятной и необычной. Я ведь охотник и не первый год езжу по угодьям. Сам могу рассказать много чего интересного. Извините!»

— Понятно! — только и произнёс в ответ мне ночной гость.

Больше голоса я его не слышал. Он замолчал и только печально и тоскливо вздыхал, глядя в одну точку, и что-то там бормотал себе под нос. Вот так и сидел, молча, мой ночной незнакомец у костра и вздыхал, вздыхал, вздыхал, вспоминая, по-моему, о чем-то сокровенном, но безвозвратно ушедшем. Он грустил тихо и одиноко, украдкой от меня смахивая с глаз внезапно набегавшие слезы.

Мои коллеги-охотники давно уже спали и видели, наверное, не первый и даже не второй сон. На востоке за лесом начинал брезжить рассвет. «Надо же, как быстро прошла ночь!» – подумал я про себя.

Возле потухшего костра сидели только мы вдвоём: я и мой неожиданный гость. От долгого молчания, прерывать которое с моей стороны, я думаю, было бы бестактно, и бессонной ночи глаза у меня начали так сильно слипаться, что с этим бороться стало просто невозможно. К тому же за целый день охоты я изрядно устал, исходив огромные поля из конца в конец не один раз. Да и ночь была на исходе, а я даже не успел и в полглаза поспать. Поэтому не удивительно, что сон начал столь сильно одолевать меня, что бороться с ним у меня не было ни сил, ни желания.

Неожиданно в моей голове мелькнула одна интересная догадка. Я даже хотел было уже разрешить её с помощью моего гостя, но не стал его беспокоить. Почему? – Не знаю! Может, потому, что он раздумывал о чём-то своём, и мне не хотелось его беспокоить? Но скорее всего причиной была моя

усталость. Я не мог бороться с ней. У меня не было сил, чтобы открыть глаза и пошевелить языком. Дремота тяжёлым грузом навалилась на меня, сковав словно цепями всё моё тело, поэтому все свои расспросы и связанные с ними догадки сами по себе отошли на завтра.

Правда, краем глаза сквозь полудремоту я заметил ещё одну странность незнакомца: «Какая необычная у него улыбка. Так всегда улыбается мой пёс, когда бывает в хорошем настроении. Да нет, наверное, показалось. Господи! Какая чушь! Надо срочно спать, а то ещё невесть что покажется с недосыпу».

Я впал в глубокий сон. Ну, а мой неожиданный ночной гость всё сидел у потухшего костра. Из его круглых необычной формы и цвета немигающих глаз безостановочно катились по впалым щекам крупные, бесконечно тоскливые и виновато горькие слезы. Может быть, это были слезы раскаяния или нет, я не знаю и не узнаю теперь уж никогда. А он всё плакал и плакал, и его губы беззвучно шептали всего лишь несколько слов: «Лучше бы мне было умереть!» Но я ничего уже этого не видел и не слышал, так спал крепким сном, а предраассветный лес тем временем недовольно шумел, ворчал и сердито скрипел всеми своими деревьями.

На следующий день, когда все проснулись, моего ночного гостя у нашего костра не было. Мне, конечно же, очень хотелось рассказать местным охотникам о моей ночной беседе и поделиться некоторыми своими мыслями и догадка-

ми относительно незнакомца, но я воздержался от этого желания. Почему? Да по очень тривиальной причине, во-первых, просто не был уверен, что всё это мне не приснилось, а, во-вторых, самое главное и удивительное заключалось в том, что моего ночного гостя вообще никто не видел, кроме меня. От него не осталось никаких следов, как будто он растворился в воздухе, и должен сказать, что вообще абсолютно ничто не подтверждало чего-то чужого присутствия в нашем лагере в течение всей ночи.

Хотя от того места, где сидел незнакомец, в лес вели человеческие следы, которые были очень хорошо видны на мокрой траве и влажной от росы земле. Но на полпути следы эти неожиданно обрывались, а дальше шли уже отпечатки множества волчьих лап, но может быть и собачьих, ведь не я же один единственный охотился с собакой в этих местах, да и охотником я был не таким уж опытным, чтобы суметь отличить следы волка от следов собаки. Трофеи мои и не только мои, но и других охотников пропали, и, сколько мы ни искали, они так и не нашлись, как сквозь землю провалились — ни кровинки, ни перышка. Пропажа эта была списана на ночных хищников: ежей, лисиц, ласок, куниц, хорьков и прочих. Рассказывать о своем ночном госте и беседе с ним у костра я никому не стал в силу уже известных причин, чтобы не прослыть выдумщиком и не быть поднятым на смех из-за этой невероятной истории, но, однако, так похожей на правду.

После той необычной встречи я всякий раз, приезжая на охоту, обязательно прихожу туда, где произошла столь удивительное моё ночное знакомство. Почему? Да просто мучает меня постоянно одна мысль и одолевает дума о том, что остались в той давней истории какая-то недорассказанность, незаконченность. До сих пор, вспоминая ту первую встречу, я испытываю чувство вины, что тогда не дослушал своего собеседника, что рано заснул и главное, что не понял моего ночного гостя. А ведь он хотел меня, наверняка, попросить о чем-то очень важном для себя, но вот только я всё проспал и совсем недавно вдруг догадался, что не засни тогда, в ту памятную ночь, не отложи свои расспросы на завтра, совсем по-другому могла бы пойти жизнь незнакомца. Время вернуть назад невозможно и, хотя я часто бываю в тех местах, но «старика» того больше никогда не встречал и ничего о нём не слышал.

УТРЕННИЙ ЛЕС

Уважай и почитай Ночной Лес, но ходи лучше в Лес Утренний. Утренний Лес сильно отличается от Ночного. Это Ночной Лес строгий, хмурый, мрачный, страшный и насупленный. Утренний же – другой. Он бесшабашно веселый, озорной, приветливый, игривый, всегда наполнен громким щебетом и криком проснувшихся и уже куда-то торопящихся птиц и тихим еле слышным шелестом ласково играющего листвою ветра, неведомо откуда прилетевшего в густую чащу молодой поросли. На пришедшего ранним утром в Лес бушующим водопадом обрушивается, на первый взгляд, какофония разнообразных, пугающих и вместе с тем чарующих звуков: щебет, писк, треск, хлопанье, топанье, жужжание, стрекотание, рычание, завывание и еще неведь что. Но внимательно прислушавшись, можно сразу понять, что это настоящая, истинная, заутренняя симфония Леса во славу счастливого пробуждения его обитателей после проведенной ночи.

Утренний Лес полон жизни. Он буквально переполнен ею. Кто-то куда-то летит, бежит, ползет, скачет, карабкается, прыгает, перепархивает и все по делу серьезному и важному, а не попусту. Вот она – настоящая жизнь, основанная на жесткой, порой жестокой борьбе, но жизнь бурная, интересная, полная неожиданностей и опасностей, того не стано-

вящейся менее активной. Кто-то кого-то преследует, ловит, хватает, съедает, кормит, обучает. И все это делается в едином порыве, все вместе, друг без друга нельзя и невозможно, а что удивительного – Коллективный Разум, а центр Разума этого, объединяющий всех и вся в единое целое – Лес, удивительное образование, сообщество, где трагедия смерти для одного является началом жизни для другого. Парадокс, но парадокс разумный и логичный. Лес со всеми своими обитателями – организм поистине уникальный, не поддающийся пониманию человеческого разума и не вписывавшийся в рамки общепринятой, по нашим меркам, логики. Может быть, по этой причине у нас и нет взаимопонимания с природой и со всеми, кто живёт внутри её?

Утренний Лес – это лес-красавец, готовый поделиться своей красотой со всяким пришедшим с добрыми помыслами человеком. А красивый лес – это здоровый лес, а значит и здоровьем он может одарить хорошего человека. Но нам тоже следует думать и заботиться о сохранении красоты и здоровья леса, чтобы всегда, во веки веков, нас и наших детей, и внуков наших, и правнуков радовал бы и восхищал он изумрудной зеленью своей листвы, полыхающим багрянцем рябиновых ягод, до боли в глазах белизною берез и всеми теми, кто в нём живет и существует.

Самые мои любимые места в Утреннем Лесу – его поляны, очень уж они обворожительны, эти лесные отшельницы, чарующие тем, что разбросаны, как попало, хаотично по зе-

леному бескрайнему массиву. И это тоже прекрасно, стоит только представить себе, что лежит среди леса неопишуемой красоты ковер нерукотворный, но сотканный самим Лесом. Сомнению не подлежит, что поляна в лесу то же самое, что оазис в пустыне, а поэтому по утрам все стремятся на её зеленое раздолье, если, конечно, маленькую, даже крохотную полянку в лесу можно назвать раздольем. Всем нужна волшебная сила энергии Солнца, особенно ягодам лесным, для роста, вызревания, поспевания, покраснения, наливания, чтобы и на следующий год порадовать лесных жителей хорошим урожаем. А где эту энергию можно найти? Только на лесной поляне. У ягод-то, например, жизнь, ой какая сложная и короткая! Им всегда необходимо очень прекрасно выглядеть и по виду, и по форме, а для этого сил приложить надо ужасно много: место получше выбрать, чтобы воды и света в меру было, ни больше, ни меньше, а в аккурат чтоб; птиц и зверей, кстати, опять же должно водиться в округе в большом изобилии, ведь, ежели ягоды никто кушать и клевать не будет, так и род ягодный совсем захиреет и продолжения не получит. Вот и ждут Лесная Поляна и ягоды всевозможные от земляники с малиной и до брусники с черникой любимых своих гостей: тетеревов, глухарей, рябчиков и других лесных птиц и даже медведей. Прилетайте и приходите! Всех встретит Поляна как родных, накормит и даст отдохнуть, приютит и успокоит.

Но не только Утренний Лес славен своими ягодами, есть

в нём и другое богатство, для поисков которого нужны и знания, и силы. Приходи тогда, если кто не верит, в Утренний Лес на тихую охоту, то есть по грибы. В любой год, сухой или дождливый, ну самый что ни есть неблагоприятный, не оставит Лес без урожая настоящего грибника – этого искреннего романтика и преданного поклонника русской природы. Вот только искать грибы надо умело и настойчиво, соблюдая все Законы и Правила Утреннего Леса, тогда-то уж он точно соблаговолит оказать милость настойчивому грибнику, дабы помочь тому в поисках заветных полян. Из года в год он будет одаривать настоящего любителя тихой охоты обильным урожаем грибов.

Однако за грибами надо вставать с первыми признаками рассвета. Справиться со своей ленью и проснуться очень рано, конечно трудно. Но Утренний Лес не откроет своих секретов лежебокам и соням. Солнце ещё только-только начинает выстреливать своими лучами в серую небесную темноту, а мгла прошедшей ночи старается изо всех сил задержаться и не уходить на дневной отдых за горизонт, но уже надо быть на ногах и обязательно в хорошем расположении духа. На улице по утрам бывает весьма прохладно, только это не должно являться помехой в предстоящей «охоте». Зябко, а дома под одеялом тепло, но что прикажете делать? Конечно, вперёд в Лес, исключительно самым ранним утром позволит он войти в свои пенаты и не только позволит, но и окажет покровительство во всех поисках и трудах. Грибника добро-

го и знающего Лес всегда привечает и, стало быть, уважает, а посему и постарается наградить его вдвойне, то есть двойным урожаем грибов, например!

Красота предрассветного времени трудно описываема: на полях красивыми кружевными сугробами, похожими на упавшие с неба кучевые облака, лежит молочной белизны туман, увидев который понимаешь, что ради этого стоит жить и любить. Медленно встаёт солнце, взмывают с полей прямо в голубую высь рваными клочьями остатки утреннего тумана, открывая перед взором дальние лесные опушки, до которых ещё идти и идти.

Приятно шагать, вдыхая свежий воздух, по едва заметной луговой тропинке в Утренний Лес, любуясь чудесным блеском капель росы, похожей на миллиарды маленьких бриллиантов, которые нельзя собрать и хранить, но которые зато можно видеть только до полного восхода солнца. Да! А идти по грибы надо не только в хорошем настроении, но, не забыв взять с собой ивовую корзинку и рогатую палочку-искалочку-выручалочку. Без этих двух обязательных вещей «охота» будет не в радость, вероятно, и безуспешна.

Утренний Лес – это лес-балагур, лес-шутник. Любит он поозорничать, посюпризничать: гусеницу за шиворот, мошку в рот запустить, крапивой по лицу легонько стегнуть – его любимая шалость. Особенно Утренний Лес любит посмеяться над дремлющими на ходу грибниками. Сон прогнать для него труда не составит, это он в два счета сдела-

ет. Выберет куст побольше, погуще и повыше, да как окатит с него росой с ног до головы, что в пору раздеваться и одежду сушить, поэтому сон на ходу в лесу строго воспрещен, ну а одежду следует надевать надежную, удобную и проверенную, как, впрочем, и обувь.

До укромных ягодных полян, заповедных, грибных мест, заветных черничников, малинников и брусничников, глухих клюквенных болот добраться нелегко. Много трудностей надо преодолеть в пути: и траву колючую в рост человека, круто замешанную на крапиве, и кустарник, и дикие буреломы на топких местах. А ведь все эти трудности и препятствия Лес перетасовывает с шутками и озорством – то комара на нос посадит, то целый рой мошкары, да такой злобной и кусачей, напустит, прямо хоть впору без оглядки бежать, а бежать-то нельзя! Лес он хоть и Утренний, но на самом деле-то Ночной, а посему спешку, торопливость, суету и невнимательность не одобряет и не прощает, за оплошность может в принципе и наказать. Любит Утренний Лес, чтобы относились к нему по-доброму серьезно и по-серьезному ласково. Шутник-то он шутник, конечно, и балагур, и озорник, но чуть что, и среди бела утра может вдруг вспомнить, кто он есть на самом деле, да и показать крутой нрав Ночного Леса.

Тихая охота – дело интересное, увлекательное, требующее внимательности, сноровки, выносливости, зоркости и глубоких знаний, причем знаний профессиональных. Утренний

Лес строго и непредвзято следит за соблюдением установленных Правил «тихой охоты», а правила эти многочисленны и в исполнении обязательны. Без знания их в Лесу делать нечего. Например, всем известно, что грибная семья очень дружная, крепкая, а поэтому растут грибы все вместе, нашел один – смотри кругом, не ленись поклониться лишний раз удивительному этому существу, и еще найдешь обязательно несколько штук его собратьев. Особенно боровики, или белые, любят жить большими и дружными семьями, а вот у остальных, за исключением, пожалуй, опять, маслят груздей, валуёв да чернушек, такого пристрастия к единению не наблюдается. Белые грибы, вообще очень дружелюбные «ребята». Найдя сыроежки, валуи, увидев мухоморы, надо внимательно походить, покружить, поискать, так как где-то рядом могут обязательно найтись лучшие и ценнейшие грибы нашего леса – боровики или, как их ещё называют, медвежатники. Удивительная эта дружба и необъяснимая между такими разными грибами – мухомором и боровиком, но такая трогательная дружба существует, и пусть она будет и остается лесной загадкой для людей, ибо всё равно отгадать её нельзя, потому как не позволено, не наше это дело.

Вообще у каждого гриба в лесу есть свое любимое дерево, под которым ему очень нравится расти преимущественно с северной стороны. Важную роль в жизни грибов играет земля. Бывает ведь так, что и лес один, и деревья одни

и прочее, но грибы растут только в одной его половине, другую же избегают и не селятся там, а почему? Всё дело в земле, на которой живут грибы. Должна быть в ней ярь, то есть сила растительная. Корни трав силу такую не имеют, поганая у них ярина, а вот под деревьями грибы рождаются. В старину говорили: «Лесу нет, так земля не ярится и гриб не рождается».

В сухое лето грибы, как правило, прячутся под сенью любимых деревьев, а вот в дождливое выбегают на простор, на опушку леса, а иногда и в самое поле. Утренний Лес считает, что грибы из земли ни в коем случае нельзя выдергивать, но выкручивать их надо словно винт, ну, в крайнем случае, срезать очень острым ножом. Повреждение грибницы равносильно смерти всего грибного семейства.

Гриб – существо капризное и обидчивое, чуть что не по нему, покинет место свое и никогда на него не вернется, поэтому к следует относиться к этому лесному жителю бережно и уважительно. А если есть желание, чтобы грибы в каком-либо месте росли всегда, то не нужно жадничать и брать старые, прелые, червивые, а лучше наколоть их на сушоч дерева, и пусть они сохнут, а высохнув, рассыпают споры грибные многочисленные для размножения и продолжения рода и племени своего. Большую этим пользу можно принести Лесу и заповедным его, грибным, местам.

Одно из правил «тихой охоты» предписывает, что найденный гриб брать надо обязательно, оставлять его нельзя, так как больше он не вырастит. Утренний Лес счита-

ет: «Гриб, единожды увиденный, расти не будет от сглаза увидевшего». Грибы любят и ценят нежное, ласковое обращение и доброе отношение, а посему, очистив их от листьев, грязи и хвойных иголок, следует складывать в корзинку обязательно шляпками вверх. Соблюдай все эти правила, и Утренний Лес одарит воспитанного гостя добрыми богатствами, чтобы в холодную, студеную зиму напоминать своими дарами прекрасную летнюю пору, а запахом сушеных грибов пробуждать чудесные воспоминания о прелестях и незабываемых впечатлениях от «тихой охоты» в нём.

Много существует установлений в Утреннем Лесу, но есть одно самое главное, переданное ему Лесом Ночным, а поэтому в соблюдении обязательное и беспрекословное. Правило то короткое, три слова всего, но емкое и жизненно важное: «Сомневаешься – не бери!» От себя же лично могу добавить: «Даже на язык не пробуй!» Внимание и осторожность при сборе грибов – самый важный элемент «тихой охоты». Утренний Лес хотя и добрый парень, но Законы у него Леса-то Ночного, поэтому чванство, ротозейство, всякие там безобразия и глупость по отношению к грибам приведут к самым печальным последствиям. Никогда Утренний Лес, руководствуясь и следуя Правилам и Законам своим, не подставит человеку, пусть даже злому и нехорошему, бледную поганку или другой вредный гриб, даже наоборот, не позволит этой самой поганке хитростью и обманом, прикинувшись, например, сыроежкой или шампиньоном, забраться

в корзинку к грибнику. Она, кстати, и называется бледной, так как действительно вся бледная и белая, и пластинки под шляпкой тоже белые с пленчатым кольцом у основания. Эта самая вредная и противная поганка в Лесу, и внешний вид у нее вредный и ядовитый. Но нелегко ей, хотя поганка бледная и очень хитра, на стол. Удаётся это сделать поганке не часто, да только в одном случае. «В каком?» – спросите меня. Когда сам человек, переоценив свои знания, будучи расхлябанным, самоуверенным и невнимательным, презрев все Законы Ночного Леса, не чувствуя интуитивно смертельной опасности, что ожидает его при нарушении Правил «тихой охоты», добровольно срывает этот поганый гриб и кладёт его в свою корзину. Утренний же Лес по характеру, нраву, привычкам и законам не может и не должен навредить человеку, если человек не навредит себе сам.

А вообще-то ходите почаще в Лес, любите Природу, ну и самое главное – помните и соблюдайте Правила Утреннего и, особенно, Ночного Леса и ничего не бойтесь.

Таков он Утренний Лес, тихий и смиренный, шумливый и озорной, радостный и приветливый. Любите и уважайте его. Тогда Утренний Лес распахнёт перед вами двери свои, откроет самые укромные и заветные места, и скажет громко и радостно: «Добро пожаловать, друг!»

Д Н Е В Н О Й Л Е С

Самый тихий, спокойный, умиротворенный Лес – это, бесспорно, Дневной. Славен он и известен своим гостеприимством, добротой и хлебосольством. Дневной Лес рад любому в него входящему, ибо самое удобное время для сбора орехов, ягод, трав целебных и лечебных предоставляет именно он – Лес Дневной.

В Утреннем Лесу можно собирать только грибы, это их время, так как любят они туманное утро и росой покрытую траву. Мокрыми своими, блестящими, самой разнообразной формы и цвета шляпками вызывающе и призывно, явно и открыто демонстрируют себя грибы, будто бы умоляя заметить их, срезать и положить в корзинку. Но такое подвластно только тому, кто без усталости и лени внимательно и серьезно ищет грибы, собственными ногами меряя расстояние от одной лесной опушки до другой.

К сожалению, немного времени отведено Утреннему Лесу для выполнения возложенных на него обязанностей по обеспечению «тихой охоты» всем необходимым. Быстро бегут секунды, переходящие в минуты, неумолимо складывающиеся в часы, неотвратимо превращающиеся в дни, месяцы и годы. Как невозможно удержать воду, уходящую в песок, и песок, сыплющийся сквозь пальцы, так и времени стремительный бег невозможно замедлить, остановить и повернуть вспять.

Просто обрывает время свой бег где-то там за горизонтом настоящего, скрываясь в глубине жизни прошедшей, из нынешнего дня превращаясь в бесконечное прошлое, чтобы заново появиться в будущем.

Время Утреннего Леса заканчивается тихо, спокойно, незаметно, без каких-либо потрясений и катаклизмов. В назначенный момент он добровольно передает все свои полномочия Лесу Дневному, чтобы на следующий день с первыми лучами солнца начать опять выполнять обязанности Утреннего, как того требует Закон, установленный их полновластным Хозяином – Ночным Лесом. И так день за днем, месяц за месяцем, год за годом.

Дневной Лес берет от Утреннего его красоту, гостеприимство, доброжелательность, только вот баловство, шаловливость и чудачество предшественника своего считает для себя неприемлемым и неподходящим, ибо слишком он ленив и степенен, чтобы вести себя, как озорной мальчишка, а посему и оставляет все это в прошлом.

Полдень. Солнце в самом зените. Полуденный зной опускается на Дневной Лес и приостанавливает на короткое время активную жизнь всех его обитателей. Можно, конечно, продолжить «охоту» на грибы, но поверьте мне на слово, будет она совершенно бесполезной и непродуктивной. Ну не дело это для Дневного Леса грибами обеспечивать. Показать орешники богатые, ягодники обильные – пожалуйста, сколько угодно, а вот на грибы прав у него таких нет, да

и Утренний брат его обидится, но главное, Ночной Лес осерчать может всерьез за нарушение Закона, который гласит: «Каждый обязан знать свое время!»

От жары в тени прячутся не только грибы, покидая опушки и скрываясь от палящих лучей солнца под ветками своих любимых деревьев, но и все остальные лесные жители, кто бегают, прыгает, летает и ползает. Редко увидишь в Дневном Лесу его многочисленных обитателей. Никто никуда не торопится, отдыхают все в тенистой прохладе березовых рощ, еловых боров, ивовых кустарников, молодых дубрав, осиновых порослей. Устали лесные жители от постоянного бдения в Ночном Лесу, да и от быстрого бега, торопливости, спешки по жизненно важным делам в Утреннем. Надо быстро-быстро подремать, а то и поспать в полную силу, не беспокоясь ни о чем. Опасности в это время никакой! Такую замечательную возможность дает им только Дневной Лес. Но и отдыхать надо, поторапливаясь, тем более, что скоро вечер – канун ночи, когда именно бдительность предоставляет возможность дожить до утра. Лесной круговорот жизни!

И все же этот лениво гостеприимный Лес в первую очередь Лес-доброжелатель и кладодаритель, если, конечно, подразумевать под кладом богатство его лесного урожая. Только в нем можно в хороший благоприятный год ведрами собирать землянику – солнечную ягоду лесных полян, чернику и бруснику – сумеречные плоды тенистых еловых и сосновых боров, клюкву – ягоду топких болот, каплями кро-

ви рассыпанной по зеленому мху. Ждут ягоды, когда солнце просушит лес, так как не уважают они мокрую траву и молочно-белый туман раннего утра. В сухую, солнечную и теплую погоду выбегают лесные ягоды веселой гурьбой и ватагой на простор опушек и полян, чтобы любой мимо идущий, ползущий, летящий или прыгающий сразу смог бы увидеть их, а, увидев, обязательно сорвать склевать, съесть, проглотить или спрятать про запас на зиму, то есть заложить в «амбар». Кто-то складывает припасы в дупло, кто-то – под мох, а кто – просто в норку поближе к спальне.

Тихо становится в Дневном Лесу, тихо и спокойно. Иногда, правда, Ночной Лес пожалеет изнывающих от жары лесных обитателей, да и прольет на своего Дневного Брата для прохлады и бодрости Дождь, веселый и грибной, но бывает это не так часто, как хотелось бы. Стоит смиренно и величественно Дневной Лес, похожий в ярких лучах летнего солнца на огромный парк. Отдыхают в нем звери и птицы после плотного обеда, отдыхают деревья, травы и цветы, отдохнем и мы в тенистой прохладе Дневного Леса.

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕС

Прекрасен Вечерний Лес, прекрасен и необычен по-своему. Красота эта многолика и разнообразна, что вызывает искреннее удивление и восхищение того, кто впервые посетил Лес, именно, сей порой, когда уже готовы встретиться Вечер с Ночью, дабы слиться в крепком объятии до самого Утра.

Вечерний Лес и тороплив, и весел, и игрив, и суетлив, и шаловлив по-утреннему. Он и деловит, и обстоятелен, и спокоен, и степенен, и немного ленив по-дневному. Да и нельзя забывать, что вечерней порой Лес и строг, и внимателен, и заботлив, и суров по-ночному. Столь многолик он, потому, как воистину считается лесом-универсалом. Все самые замечательные и положительные качества и черты своих собратьев воплотил Вечерний Лес в себе и собрал воедино.

Придя до захода солнца, можно успеть в его владениях и грибов насобирать, и орехов нарвать, да и ягоду малину с черникой обобрать с кустов, пока еще их видно в медленно и постепенно наступающих сумерках. Только надо поторопиться, времени на все эти дела Вечерний Лес отводит крайне мало, а поэтому и выбрать лучше что-то одно, а то, как говорят в нашем лесном доме: «Попусту распыляться, да за все, что ни попадя, хвататься – с пустой корзиной возвращаться!» Так положено, да и проверено самой жизнью!

Вечерний Лес почитается среди местных его обитателей

за большого добряка, а поэтому очень любит он сделать что-нибудь приятное пришедшему или забредшему в него случайному посетителю, например, даже комаров старается выводить на открытые места или пораньше их спать уложить, чтобы не мешали и не докучали те своей назойливостью.

Золоченные лучи уходящего солнца с трудом пробиваются сквозь густую сеть крон стеной стоящих деревьев. Солнечный свет прощально скользит по земле, траве, цветам, как бы говоря всему лесному братству: «Спокойной всем ночи и хороших сновидений!» Заканчивается время Вечернего Леса, скоро наступит, даже страшно подумать, но весьма опасная пора для всех лесных жителей, когда глаз да глаз будет нужен. Потому-то с окончанием власти Леса-добряка возникает перед наступлением ночи полный в нём сумбур, но не беспорядок. Все перемешивается! А как же, ведь время уходит! Кто-то завершил или завершает свои дела и дневные заботы и во все ноги, крылья, лапы спешит, торопится прилететь, приползти, прискакать домой до захода солнца. Вихрем проносятся большой толпой дрозды. Весело крича, перекликаясь между собой, перебивая друг друга, они с шумом и гамом рассаживаются по деревьям, чтобы приготовиться к ночлегу. Но перед тем, как уgomониться, мамашам ещё следует детишек накормить на ночь, чтобы спали те на сытый желудок покрепче.

Голубиная пара стрелой пронеслась к своему гнезду. Го-

лубь будет сторожить всю ночь, смотреть, наблюдать, чтобы никто не подкрался бы к его подруге незаметно, а голубка тем временем крылом материнским укроет от ночного холода детишек-голубят. Вот и пройдет ночь у малышей тихо, спокойно и без кошмаров. Ведь всем лесным обитателям хорошо известно, каков он зоркий глаз у хищника, промышляющего в темноте разбоем и охотой. Сойка так же занята активно поиском укромного местечка, с одной лишь целью – без лишнего шума и гама поспать до утра, ни о чем не беспокоясь. Вон вроде как дупло большое и просторное, но занято, к сожалению, многодетной беличьей семьей. Ну, ничего страшного, можно, как всегда, переночевать под добрыми и гостеприимными ветками тётушки Ели, не раз и не два дававшей приют и ночлег зимой всем, кто в нём нуждался, а летом тем более «двери» её всегда открыты.

Торопятся, спешат лесные жители. На «улице» ведь оставаться нельзя, там темно, страшно и опасно, в один момент могут найти, поймать и, не дай бог, съесть. Солнце постепенно заходит, и жизнь в Вечернем Лесу становится быстрее и суетливей, ускоряет время и без того стремительный свой бег. Все ищут место поукромнее да побезопаснее, а найдя, тут же отходят ко сну. Давно уже уgomонились бабочки, мотыльки, стрекозы, жуки, правда, комары и мошки ещё толкуются роем, устроив настоящую «куча мала» и этим предвещающая на завтра хорошую, вёдренную погоду. Ну, такая уж у них обязанность – давать синоптический прогноз. Лес обя-

зал!

А вон бегут муравьи, будто ошпаренные или напуганные, хотя напугать их, навряд ли, кто сможет, это же ведь первые смельчаки и силачи в Лесу. Однако и они тоже торопятся поспеть во время домой. Закроются муравейники, пирамиды леса, до восхода придется опоздавшим ночевать в траве на свежем воздухе, чтобы под утро ещё и вымокнуть от выпавшей росы. Такое вот неприятное наказание за опоздание.

Хорошо, конечно, улитке: ползет себе медленно, степенно, никогда и никуда не торопится, а что торопиться, коли всегда дома, прямо лесная черепаха. Ходят слухи, что все лесные жители ей здорово завидуют по этому поводу.

Шумит, щебечет, стрекочет, поёт Вечерний Лес, суется перед сном его жители, готовятся к ночлегу кто как умеет и кто как обучен. Лес по-отцовски принимает всех, даёт приют и укрытие на ночь, а вот дальше надейся только на себя и своё умение, способности, навыки и привычки прятаться, маскироваться и таиться. Не имеет права Вечерний Лес вмешиваться и нарушать, руководствуясь чувствами и симпатиями, таинственные Законы Бытия, установленные Природой и Ночным Лесом.

Черной молнией из леса вылетел тетерев-косач и пересек небольшую поляну, заросшую молодым березняком. Тоже ищет черныш удобное место для ночлега. А что при этом самое главное? Ну, конечно же, личная безопасность. Вот и падает он камнем в густую, высокую, некошеную траву

на опушке леса и замирает. Долго косач будет так лежать, не шевелясь, до тех пор, пока роса не выпадет и не подаст ему сигнал лететь обратно в лес. Тихо лежит черныш, неподвижно. А как же? Шаг влево, шаг вправо, шаг вперед или назад смерти подобен, ибо главное – не оставить следов и вместе с ними запаха, а то хитрая лисица, шустрая ласка, стремительная куница, пронырливый хорь своими замечательными чутыстыми носами и всевидящими глазами обязательно и быстро найдут его с самыми плачевными последствиями для косача.

Самый опасный в Лесу охотник – постоянно рыщущий волк. Этот своего шанса полакомиться дикой курятиной никогда не упустит. У волка и нос, и глаза, и уши такие, что дай Бог всякому зверю иметь, прямо на зависть всем хищникам, ночным и дневным.

Вот и будет тетерев и компания сидеть в траве, дремать в пол глаза, надеясь в глубине души, что филин не заметит его, одетого в черный наряд, сливающейся с темнотой ночи, и кто-либо другой не застанет врасплох, если, конечно, случайно не наткнется. Тетерев – птица осторожная. От всякого врага своего уйдёт, вернее сказать, улетит. Услышит он шорох травы от бегущего по ней, но не крадущегося хищника, и как из-под самого его носа взлетит вверх с шумом невероятным, да так быстро и стремительно, что зверь не только не станет ловить птицу, а в обратную сторону побежит. А по-другому и быть не может, так как в такой ситуации, да-

же самый сильный и смелый хищник от неожиданного страха оторопееет, а потом рванёт наперегонки с ветром с жуткого поля, где под ногами из земли выскакивает, не поймёшь что! Но опять же, смотря, кто наскочит? Серый волк, говорят, наоборот не побежит, слишком уж смел он и отважен. В Лесу даже пословица ходит, что, дескать, не дал Бог волку силы медвежьей, а медведю – волчьей отваги.

Забормотал где-то вдалеке глухарь – этот король соснового бора. Прячется великан где-то там, в глубине леса, в его самой глуши, и зовётся он глухарём вовсе не потому, что у него что-то плохо со слухом. Слух у глухаря дай бог всякому, на полкилометра незаметно и неожиданно к нему не подкрадёшься, ибо услышит и улетит. А глухарь он потому, как в самых глухих и дремучих местах обитает, и потомство своё там выводит. Так что самая осторожная птица в лесу – глухарь.

Осторожность ночью нужна всем. Без осторожности в этом сложном и опасном мире никуда! Но это только одна сторона жизни Вечернего Леса, а посему эта одна его половина весело суетится перед сном, а что же другая делает тем временем? Другая, наоборот, бодрствует и начинает готовиться к работе, а поэтому наостряет когти, точит зубы, настораживает уши и ждет, ждет с нетерпением и радостью темноту Ночного Леса. Это их время. Они – спецы ночной охоты, они – профессионалы поиска, засады и броска. Никому нельзя забывать, что здесь родиться и умереть можно

в один день.

И вот все заняли свои места, кто для отдыха после трудового дня, а кто для работы после дневного отдыха. Границы между Вечерним Лесом и Ночным не существует. Солнце только-только скрылось за горизонтом, и сумерки едва начали сгущаться, а Ночной Лес уже вступил в свои права. Теперь только бдительность и ещё раз трижды бдительность! Не прозевай! Внимание всем! Наступила ночь «в законе»!!!

НОЧЬ ЧУДЕС

Однажды, летом мы отдыхали в одной небольшой деревеньке на берегу небольшой таёжной речки. Вот именно там и произошла с нами как раз та самая история, о которой я хочу поведать. Случилась она в первый день нашего приезда, в самый разгар лета, в июле месяце, когда обычно погода стоит такая тёплая, что дома сидеть нет абсолютно никаких сил, да и желания также. Планов на предстоящий отдых у нас было громадье: и рыбалка, и грибы, и ягоды.

По прибытию в деревню мы допоздна засиделись в саду за импровизированным столом, то есть скатертью, расстеленной прямо на земле под яблонями. Гости наши, соседи по улице, ушли домой и мы остались одни. Ночь была лунная и необыкновенно звёздная. Воздух свеж и прохладен. За околицей нашего сада сразу же начинался лес, а по его опушке протекала довольно бурная река, которая резко вклинивалась в поле, затем уходила в сторону и, маскируясь, прячась под ветвями деревьев, убегала в глубину леса и скрывалась там в самой его глуши. Живописное место. Красота!

Тишина и спокойствие постепенно начинали властвовать над рекой, лесом, лугом и нашим садом. Пора и нам было подумать о покое. Жена моя ушла в дом, сын решил спать на веранде, ну а я расположился прямо под яблонями на приве-

зённой из города раскладушке, жаль было уходить из такой красоты звёздной ночи в духоту деревенской избы. Комары меня не пугали, холодов не ожидалось, дождей тоже, поэтому можно было спокойно спать на свежем воздухе. Я лежал, закинув руки за голову, и смотрел в небо. В ногах у меня расположился Максимиллиан, английский сеттер, служивший у меня охотничьим псом, без которого последние лет шесть я вообще никуда не выезжал. Спать не хотелось, слишком много мыслей было в голове, и все только о хорошем. Из лесной просеки елового бора, словно из открытой двери, на меня накатывал волнами запах Ночного Леса: аромат грибов, запах пахучих лесных ягод и хвои, который шёл на смену дневному благоуханию Летнего Луга. Знакомые запахи пробудили во мне давние воспоминания о детстве, юности и молодости, на душе было как-то добро и спокойно, и даже мысли постепенно ушли куда-то, оставив в голове одну лишь тишину.

Неожиданно деревья сильно зашумели, хотя и был полный штиль, где-то вдруг громко прокаркал своим немногим картавым голосом ворон, и всё стихло. Моё сердце даже захолонуло, ибо показалось, что именно сейчас должно произойти что-то необычное и удивительное. Вот как раз в тот самый миг Максимиллиан и почувствовал в темноте это нечто необычное.

Мой напарник по охоте вскочил на ноги, насторожился, потянул своим замечательным носом воздух и, одним

прыжком перемахнув через ягодные кусты, сгинул в кро-
мешной тьме. И тут же вслед за его исчезновением из ближ-
них к нашему саду зарослей малины, в темноте весьма по-
хожих на огромную голову лесного быка, раздался сначала
громкий шум, треск, возня, а потом уже чей-то панический
воплъ: «Ой! Ой! Ой! Уберите, пожалуйста, собаку, она по-
рвёт мне мои новые штаны!» В ответ на крик о помощи раз-
далось чьё-то свирепое и очень серьёзное предупреждение:
«Во-первых, не ори так громко, ребёнка разбудишь, видишь,
он в гамаке спит на веранде? Во-вторых, я тебе не она, а он,
понял? А ну, пошли! Не то порву в клочья не только штаны,
но и...!»

Что собирались порвать ещё, я просто не расслышал,
так как после этого грозного предупреждения, исходившего
непонятно от кого, на какой-то миг всё стихло. Но буквально
через секунду из темноты неожиданно появился изо всех сил
упиравшийся человек или..., короче говоря, какое-то стран-
ное существо довольно необычного вида, которое упиралось
и которого в свою очередь, прилагая к этому все свои силы,
тащил за штаны мой охотничий пёс.

– Отпустите мои брюки, я прошу Вас, Максимилиан, –
бубнил плаксивым голосом маленький «мужичок», так я про
себя назвал странное существо, которое за штаны тащил сет-
тер.

Действительно, то, что волочил Максимилиан, напоми-
нало человека, небольшого такого росточка. В первое мгно-

вание я даже не смог понять, между кем и кем идёт перебранка. С одной стороны ругался тот, на кого напал мой пёс, но кто отвечал ему? Это было не ясно, ибо вокруг меня никого другого не было, кроме спящего на веранде сына, Макса и его пленника, которого он тащил поближе к свету. Рядом с нашим домом как раз находился фонарный столб, и его яркий свет хорошо освещал участок перед крыльцом.

– Вы порвёте мои штаны, а они у меня самые лучшие, к тому же единственные, и должен сказать, парадные, – продолжало ныть странное существо.

– А ты не упирайся, и штаны будут целы, – сказал опять кто-то. Я завертел головой, в надежде найти того, кто отвечал моему странному ночному гостю.

– Кто же это сказал? Ведь не я же, ибо я и штаны этого субъекта никак не связаны, – сделанный вывод меня в принципе порадовал. – Тогда кто?

Но на мой немой вопрос ответом послужила тишина и шум борьбы между собакой и пойманным существом. Тем временем, пока меня мучили всякие мысли и сомнения, мой пёс всё-таки вытащил на свет свою упиравшуюся добычу. Я смотрел на всё происходящее и дивился, причём более всего меня удивлял тот факт, что пленённое моим псом существо обращалось к нему, к Максимиллиану, вполне серьёзно и на «Вы».

– Ты, смотри-ка, и имя моей собаки знает. Наверное, подслушал из кустов. А чего он там делал? Ну, хорошо, сейчас

узнаю, что это за фрукт и с чем его едят? Бред какой-то, ей Богу, бред! – подумал я про себя и открыл, было, рот для вопроса, но...

– Никакой я не фрукт и ничего я не подслушивал! Мимо проходил, вот и решил заглянуть на огонёк. Не ожидал такого грубого приёма. А говорят, что люди гостеприимны? Чушь! А вообще, меня послали к вам, – гордо заявило похожее на мужчину существо, странным образом угадав совершенно точно мои мысли. От такого высказывания у меня от удивления даже сам по себе открылся рот. Я, молча, стоял и не знал, о чём следовало бы спросить своего странного гостя.

– Максимилиан, ну, отпусти, пожалуйста, мои брюки! Я и волшебное слово сказал! Ну, прошу! – завопило опять нечто, уже обращаясь к собаке фамильярно, по-свойски перейдя с ним на «ты».

– Вот сейчас вытащу тебя на свет, поближе к фонарю, и отпущу. А то болтаешь глупости всякие, типа – мимо проходил, послали тебя...! Совсем заврался. Пусть с тобой, батя, вон разбирается, а я своё дело сделал, – бесцеремонно таща существо за штаны и скашивая на меня свои глаза, рычал сквозь зубы Макс.

Когда до меня, наконец, дошёл смысл всего происходившего и, особенно, то, что мой пёс умеет говорить, и у него очень приятный баритональный тенор, всё вокруг меня вдруг зашаталось и закружилось. Земля неожиданно ста-

ла уходить из-под моих ног куда-то в сторону, причём так быстро, что я еле успел схватиться за ствол яблони, дабы не упасть на траву. Но на этом чудеса не закончились.

Такое внезапное открытие, что ваша собака умеет говорить, по-моему, могло стать причиной помешательства любого человека, оказавшегося на моём месте и узнавшего к тому же, что собака не только говорит, но и называет своего хозяина «батей». Да, прямо скажу, было от чего сойти с ума, но у меня на веранде спал десятилетний ребёнок, а в доме находилась жена, поэтому я не мог позволить себе сделать такой непродуманный и безответственный шаг. Но объяснить всё то, что происходило сейчас, ночью, перед моими глазами, с позиции здравого рассудка было невозможно. Я верил своим глазам и ушам, но мой разум атеиста бунтовал и протестовал.

Тем временем Макс отпустил своего пленника, и тот, отряхнувшись и подтянув штаны, которые чуть, было, не упали на самые колени, строго, но с гордостью в голосе, правда, немного обиженно заявил: «Никакой я вам, стало быть, не «нечто», не существо и не человек! Фрукт – это, кстати, также очень даже неприятно, я бы сказал, обидно, но плесенью, однако, также попрошу меня не называть! И вообще, где законы гостеприимства, которыми так, якобы, славятся люди? Вместо приглашения за стол и угощения, которое вон по земле разбросано, гостям рвут новые штаны. Позор прямо какой-то! Разрешите представиться, Беловик,

то есть Боровик, то бишь, Гриб Белый, на латыни Boletus! Но можно кликать и Медвежатником, буду отзываться, я не против, а очень даже за! – представившись громким и торжественным голосом, существо, похожее на человека, уселось на пенёк, спиленного недавно дерева, причём, делая это с таким видом, будто царь воссел на трон.

После таких слов голова моя ещё более закружилась, а перед глазами полетели даже мелкие белые мушки, словно снег пошёл.

– Бред какой-то! Чушь и бред! Живые грибы пошли, говорящие собаки, глядишь, и рыбы сейчас запоют и затанцуют, коровы полетят! Бред полнейший! Этого не может быть, потому что не может быть никогда. Но ведь это не сон?! Я помню абсолютно точно, что спать не ложился. Значит? Значит, я сошёл всё-таки с ума! Поздравляю! – лихорадочно вертелись в голове моей самые печальные и безрадостные предположения, но, пожалуй, зато эта была самая разумная и трезвая мысль, пришедшая мне в ту незабываемую ночь.

– Вы абсолютно здоровы! Здоровее просто быть нельзя! Рассудок Ваш так же в полном порядке! А что касается Вашей реакции на происходящее, то она вполне адекватна тому, что Вы увидели и слышали. Так и должно быть! Ведь не каждый день слышишь голос своей вдруг заговорившей собаки, – заявил трофей Макса.

Сказанная фраза вывела меня из того одеревенения, в котором я находился. После этого мне, пожалуй, не оставалось

ничего другого кроме, как приняться рассматривать моего неожиданного гостя. Нужно сказать, что я делал это с превеликим интересом и любопытством. По-моему, «мужичку» даже было приятно наблюдать за моей реакцией особенно после того, как он представился. Да, эффект оказался просто ошарашивающим.

При свете уличного фонаря мне удалось довольно подробно разглядеть своего нового знакомого. При ближайшем рассмотрении я мог утверждать, что он не был человеком, но имел схожесть с людьми. Возраст определить его я не смог, одно скажу, он не был стариком, но и юношей на звать его не рискнул. Лет ему было на вид, эдак, ..., но точно трудно сказать. Роста маленького, чуть более метра, крепенький такой, с довольно симпатичным лицом. Выглядел «мужичок» немного полноватым, но зато подвижным. Вообще, нужно заметить, что пришелец был каким-то необъяснимо необычным, даже трудно сказать, почему, но у меня сложилось такое впечатление. На голове у него была шикарная с огромными полями шляпа, надетая чуть набекрень и лихо сдвинутая на затылок. Мой ночной гость действительно здорово смахивал на гриб боровик, но только очень большой-пребольшой, да и при этом ещё живой и говорящий.

Беловик, так он просил его называть, сидел и внимательно осматривал свои брюки. Оставшись довольным, что его штаны оказались после встречи с собакой в целости и сохранности, он шутливо погрозил Максу пальцем и, весело

посмотрев на меня, сказал: «Ну, хватит, на самом-то деле, цепенеть и обомлевать! Разумными существами только себя считаете, да? Взрослый ведь человек, должен понимать, что в мире много чего интересного и необычного имеется. Ну, гриб! И что же? Удивительные вы существа, люди! Всё-то вы удивляетесь да диву даётесь. Только чуть что не по-вашему, не по разуму человеческому, в логику вашу видите ли не вписывается, и всё – паника! Прямо конец всему, тут же столбенеете, цепенеете, замираете и обмираете. Удивленцы наши разумные! Вы почему-то привыкли считать, что одни на свете такие живёте, то есть с разумом и мыслями, и никого, кроме вас более нет на Земле и быть не может. В раздумьях пребываете: «Одни ли мы во Вселенной?» И для чего так далеко заглядывать, когда надо, прежде всего, оглянуться вокруг себя! – назидательно начал свою речь Гриб.

– А сомнение у вас просто выше некуда, ибо считаете, что другой цивилизации не должно существовать и точка! Никакого другого мира вокруг, за исключением вашего, конечно, и быть не может! Примитивные вы существа, люди, хотя ваш мозг считается высшим достижением Природы, и с этим, кстати, никто не спорит, и, главное, не собирается оспаривать, ибо это есть истина в последней инстанции. Только вам самим необходимо немного помыслить и поразнообразнее. А то поставили себя на высшую ступень развития и пребываете в эйфории. Мы-то вот не удивляемся вашему одностороннему мышлению, живём вместе с вами и поль-

зу приносим большую. Я – гриб, и горжусь этим, Максимилиан – собака,...

– Охотничья собака, попрошу впредь учитывать, – встал мой пёс замечание, чему я уже не удивился, а воспринял как должное. Мой гость кивнул головой в знак согласия того, что сделанное замечание принято к сведению. Затем он уселся поудобнее и продолжил свою мысль, повторив при этом последнюю фразу, – итак, я есть гриб, и горжусь этим, а Макс – охотничья собака и тоже этим гордится и никем другим быть не хочет, а ты – человек...

– и тоже гордишься этим, – неожиданно для меня закончил начатую моим гостем фразу Теодор. Кстати, вспоминая потом ту ночь чудес, я пришёл к неожиданному выводу, что более всего меня удивил заговоривший вдруг на человеческом языке мой пёс, а даже не события, которые были пережиты мной тогда в саду.

– Да вы прямо спелись, причём сделали это очень быстро! – сказал я, с удивлением посматривая на своего охотничьего пса, который, в общем, поддержал полностью высказывание своего бывшего пленника, или уже друга и соплеменника?

Ночной пришелец тем временем, дав мне пару минут на то, чтобы хотя бы немного осмыслить услышанное и обдумать увиденное, продолжил: «Не стоит удивляться тому необычному, чего нет в ваших реалиях, то есть в вашей действительности, но существует, зато, в других. Мы живём

в разных мирах и цивилизациях, по разным законам и правилам, но одновременно с этим мы живём на одной планете. В нашем мире говорить умеют все! Мы прекрасно научились понимать друг друга, только язык у нас особенный, а поэтому понятный исключительно для тех, кто его хочет понять. Максимилиан, вон, прекрасно понимает язык и птиц, и зверей, и даже растений, а они все понимают его. Правда, Макс? – мой пёс в ответ на вопрос Беловика многозначительно и авторитетно махнул хвостом, соглашаясь со всем сказанным.

– Вот только вы, люди, к сожалению, подкачали и не понимаете нашего языка, потому, как вознесли себя сами на высшую ступень развития и смотрите оттуда свысока за всем, происходящим на Земле, не желая слушать тех, кто живёт на ней вместе с вами. А язык наш, кстати, весьма лёгкий. Вам только следует повнимательнее посмотреть вокруг себя. Ну, загляните вы чуть дальше, за пределы своего собственного носа, и не через микроскопы и приборы, а обычным взглядом, душой своей приглядитесь к нам, понаблюдайте за нами, как это мы делаем, наблюдая за вами. Конечно, это трудно, нудно, но жизненно необходимо в первую очередь самим людям. Глядишь, и вам всё станет ясно, и вы начнёте понимать наши мысли, желания, стремления, беды, страдания и всё то, на что сейчас вы не обращаете никакого внимания, ибо заняты ваши мысли исключительно думами о самих себе. Но только помните, что отвечать-то за всё содеянное,

потом придётся всем вместе: и вам, и нам. Наказание поровну придётся делить, хотим мы того или нет! Ведь вы порой, нанося вред нам, себе вредите больше, чем кто-либо другой. С нами сотрудничать надо, ибо мы все для Природы равны и одинаковы, нет у неё любимчиков, в этом я заверяю на все сто процентов плюс один для верности. Мы все её дети. А то придумали: «Братся наши меньшие, мы в ответе...», и прочую дребедень! Прямо слезу крокодилью пустить хочется. А подумать не желаете, кто кого приручил, а уж по поводу – младшие и старшие, так об этом вам лучше было бы вообще помолчать, а то как-то нескромно получается. Если к нам люди с добром идут, мы им вдесятеро больше пользы принесём. Вот такие дела, Батя!

– Да я разве спорю? Только зря ты мне одному такие упрёки посылаешь, Беловик! – только и смог, что сказать эту короткую фразу, потому, как необычный гость перебил меня.

– Ладно, ладно уж! Это я так! Наболело, как говорится. Не для того я пришёл, чтобы обличать человечество в твоём лице, не в суде, чай, находимся, в саду фруктовом! Сами потом поймёте, разберётесь и беречь нас начнёте, правильно? Насильно мил не будешь! – мой гость взглянул на небо, затем в сторону леса и после короткой паузы продолжил, – и так много времени потеряли на разговоры. Июльская ночь коротка, сам знаешь, хотя Хозяин сказал, что пока всё тебе не расскажу, он Рассвет попридержит. Но этого делать не стоит, у нас Законы строгие: «Каждому своё время!» Я,

думаю, успею и так всё рассказать, без волшебства и чародейства. Мне ведь самому поспеть надо в Утренний Лес. Дела! Грибники поутру пойдут нас искать, а я тут прохлаждаюсь. Сразу скажу, что Хозяин наш, Ночной Лес, любит нас и балует. Видишь, позволяет иногда с вами, людьми, пообщаться, но бывает это крайне редко, в исключительных случаях, причём только в одну июльскую ночь, а вот в которую – никому не ведомо, ибо сам, Ночной Лес, выбирает её по собственному своему усмотрению.

Неожиданно кто-то сзади осторожно до меня дотронулся. Я обернулся. За спиной стоял мой малолетний сын и от удивления таращил свои заспанные глаза на необычного гостя.

– Пап, а это кто?! – спросил он меня.

– Садись, сынок, долго рассказывать, потом, утром, всё объясню. А пока сиди тихо и слушай! – почти шёпотом ответил я сыну.

Беловик остался доволен моими словами, но более всего тем, что я не стал впадать в пространные объяснения.

– Расскажу-ка я вам о Ночном Лесе, его законах и правилах, о его обитателях и вообще об их жизни и делах ..., – наш гость сделал паузу, чуть задумался, но буквально на секунду, и затем начал...

Я и мой сын слушали нашего гостя почти с открытыми ртами и, наверное, готовы были бы сидеть не только до утра, но, пожалуй, и весь следующий день, забыв обо всё и даже про рыбалку. Но всему когда-то приходит конец, и гость наш

ночной закончил свой лесной рассказ, такой длинный, поучительный и весьма полезный. На прощанье он крепко пожал каждому из нас руку и тихо сказал: «А ты напиши про нас рассказы, напиши всё, о чём услышал и что знаешь. Может быть, люди поверят тебе, человеку, и станут тогда немного по-другому смотреть на нас и чуть добрее к нам относиться? У нас ведь свои законы и порядки, вот и донеси их до своих собратьев. Они тоже знать должны, что „в чистый и здоровый лес ходить, самому здоровым быть“ – вот, пожалуй, основное правило всех лесных обитателей».

Белый Гриб посмотрел по сторонам и вдруг грозно и строго, но ласково при этом, а не грубо, приказал кому-то: «А, вы что расселись? Быстро все в лес!» И только тут мы увидели сидевших вокруг нас маленьких-маленьких, ну очень маленьких лесных существ. Только при ближайшем рассмотрении нам удалось понять, что это вовсе не человечки, а всевозможные грибочки, которые мы особенно любим собирать ранним утром в Осеннем Лесу, начиная свою «тихую охоту» в Лесу ещё Летнем, августовском. Они стояли большой толпой, целым табуном, и смотрели на нас во все свои глаза. Их было превеликое множество, но я успел заметить среди них и жёлтых лисичек, и сероватых опят, и разноцветных сыроежек, и многих других. Важно в обнимку с валуями и мухоморами стояли молодые боровички. Маслята же, наоборот, гуртовались отдельными весёлыми компаниями. Гордо и независимо возвышались над всеми красноголовики-под-

осиновики, и их собратья с чёрными шляпками – подберёзовиками. В сторонке скромно стояли застенчивые белянки. Грузди-крепыши, и рыжики-красавцы и ещё многие, многие другие грибы – эти обитатели лиственных и хвойных лесов, дубрав и рощ – о чём-то радостно перешёптывались между собой. Они были все такие интересные и забавные, но главное, кого-то мне напоминали. И тут я понял, что все эти маленькие существа очень похожи на самых обыкновенных детишек, но только грибных, ибо вели они себя как самые настоящие девочки и мальчики, весело и шаловливо. А некоторые из них вообще сидели прямо на спине и голове моего пса Максимиллиана. Они ласково гладили его, теребили за волосы, усы и что-то шептали ему на ухо. Наш охотник Макс от блаженства даже закрыл глаза и был, казалось, на седьмом небе. Потом уже, когда все ушли в лес, он нам признался, что единственный раз в жизни пожалел, что не является к своему стыду котом, потому что коты в отличие от собак умеют мурлыкать от удовольствия.

Наши необычные посиделки закончились. Наступало утро. Удаляясь от дома, ночной гость неожиданно обернулся и прокричал издали: «До встречи на лесных полянах и опушках, друзья мои! Приходите в лес почаще! Ищите нас повнимательней! Да собирайте тщательно и всегда помногу! А то мы, если нас не находят и не берут в корзину, болеть начинаем и род наш хиреет! А потом помни малыш, – обратился он к моему сыну, – только человеку, верящему в Чудеса

и Сказки, откроется неведомый Мир Леса, его самые потаённые и заповеданные уголки и поляны, дабы постичь там и понять Лесную Душу его обитателей!»

В предрассветном, ещё не отошедшем от ночной мглы небе уже начали пробиваться первые еле заметные лучи утреннего солнца. Ночь прошла, удивительная ночь чудес. Будет ли она ещё когда-нибудь, не знает никто, а я уж тем более. Мы стояли с сыном у крыльца дома и махали руками, прощаясь с необычными нашими гостями.

Я и сын заснули прямо тут же, на завалинке. Мой паренёк улыбался, видя, наверное, во сне что-нибудь очень хорошее и весёлое. Спал, потягивая, и Максимилиан. Спал и я. Солнце уже начало припекать. Нас разбудила моя жена, которая, увидев, где мы спим, сказала: «Вы что ребята, всю ночь здесь просидели? А за грибами спозаранку идти собирались, проспали?» Мы переглянулись с сыном и ответили: «Прямо сейчас и пойдём, позавтракаем и пойдём!». Умываясь под рукомойником, мой сын потянулся и сказал: «Пап, я такой сон удивительный видел!» За завтраком мальчик поведал нам о своём необычном сне и о том, что он видел живые грибы, которые пришли к нам в гости и которые играли с Максом, а тот умел говорил человеческим языком. Сын так поверил в реальность всего произошедшего, что потом очень сильно сожалел, когда наступившим утром наш любимый пёс перестал разговаривать. Ребёнок всё никак не мог согласиться с тем, что тот это делал лишь только во сне. По-

том целый день мы, правда, каждый в отдельности, вспоминали и думали о чудесах ушедшей ночи. Но даже я, взрослый человек, до сих пор не могу понять, хотя и прошло с той удивительной ночи уже добрый десяток лет, была ли та встреча сновидением или может быть явью?

Если же сказать честно, то мне самому хотелось бы поверить, что всё произошедшее с нами в саду было не выдумкой и не ночным видением. Ведь то событие каким-то образом имело прямую связь с детством, а значит и со сказками, которые мы очень любили, когда были маленькими, и, став взрослыми, продолжаем любить, но уже тайно. Почему я сказал: «Тайно»? – да по весьма банальной причине, чтобы показаться смешными, потому как, взрослея, люди перестают почему-то верить в сказки и легенды, причём сразу и вдруг. И хотя моё детство для меня давным-давно уже прошло, но только иногда очень хочется его возвращения пусть даже на короткое время, пусть даже во снах, а лучше наяву.

После той поездки в деревню я, кстати, научился хорошо понимать, что говорит наш четвероногий друг, то есть мой охотничий пёс, и без человеческих слов. У животных ведь свой язык общения с нами, они говорят глазами, как, впрочем, и все обитатели леса и не только леса.

ОТМЩЕНИЕ

Забрёл я как-то на охоте в заброшенную деревню. Передо мной возникло печальное зрелище. Дома стояли с заколоченными дверями и окнами. Кругом запустение. Проходя мимо одной избы, большой, но обветшавшей и скособоленной, захотелось мне отдохнуть. Была поздняя осень. Тишина. Я присел около остатков плетня, что огораживал когда-то справный и ухоженный огород от дикого поля. Вот именно здесь, в некошенной траве, мне на глаза вдруг и попалась необычная находка, от которой можно было прийти в изумление. А как же я мог не удивиться, коли это был штык, длинный австрийский штык-нож, с коим воевали ещё в первую мировую войну. Я, конечно, в те давние времена не жил, но фильмы старые, хронику дореволюционную видеть мне приходилось, да и в исторических музеях в школьные годы бывал частенько. Находка эта являлась уникальной и удивительной, но главное – интересной. Ну, откуда, скажите, вдруг в деревне, находившейся за тридевять земель от мест, где чуть ли не сто лет назад бушевала война, оказался этот нож, с изъеденной ржавчиной клинком и почти полностью сгнившей деревянной рукояткой. Любопытство охватило меня, да только расспросить-то было некого. Осень, канун зимы. Дачники, которые жили по соседству, все по зимним квартирам поразъехались, а других я никого

не нашёл.

Если бы этот кинжал мог говорить, то, наверное, смог бы поведать мне интересную историю о том, как оказался он в российской глубинке, кто был его хозяином, почему оказался он вдруг потерянным и сколько лет пролежал здесь на земле?

Охотником он был от Бога. Так говорили все, и с этим утверждением никто и никогда не спорил, ибо с истиной не спорят. Его прямо так и называли: «„Мастер“». И это было правильно. Он считался лучшим на тысячу вёрст вокруг. Удивительно хорошее знание леса позволяло ему ориентироваться в нём в любое время суток: хоть ночью, хоть днём, и бродить по своим заветным местам чуть ли не с завязанными глазами. Охотнику достаточно было взглянуть на незнакомый лес, чуть побродить по его опушке и через мгновение он расхаживать по незнакомому ему урману, как по собственному саду.

Повадки птиц и зверей «„Мастер“» знал превосходно, а поэтому удача всегда сопутствовала ему в его лесном промысле, а лесовал он круглый год. Имея же верный глаз и твёрдую руку, Охотник не знал промахов в стрельбе и бил всегда наверняка, с первого выстрела. Никто и никогда ни разу не видел, чтобы от него ушёл зверь или улетела птица. Будучи среднего роста, среднего телосложения силой физической он обладал огромной, просто феноменальной: разги-

бал подковы, медные пятаки гнул пальцами, сгибал железные ломы и, по слухам, голыми руками заломал однажды подраненного им же медведя, переломав разъярённому зверю хребет в неравной борьбе, тяжёлой и яростной. А медведь-то, кстати, тот, был не мал, люди поговаривали, что более двадцати пудов весу.

Выносливость Охотник имел схожую со своей силой, то есть невероятную, пройти на одном дыхании 30—40 верст, раненного лося, кабана или другого подбитого зверя преследуя, было для него сущим пустяком.

Мужиком, сказывали односельчане, он был также справным и «Мастер»овым. Сделать мог всё, что угодно: сеть сплести, капкан или ловушку какую с«Мастер»ить, лодку построить, печь сложить, место для колодца найти опять же считалось для него делом несложным, ну а верши там всякие, корзины, лукошки, коробка берестяные и лубяные плести относил к забаве и отдыху.

Хозяйство на деревне у него, пожалуй, было самое крепкое, всего с избытком, да и запасы всегда большие заготавливал на зиму. Хорошо жил, богато, в большом достатке, ни на что не жаловался, но вот только односельчане не особенно общались с ним, потому как не любили они Охотника, а через эту нелюбовь и не уважали. А не любили его то ли из-за зависти, то ли из-за страха, то ли из-за всего вместе. Он от такого к себе отношения не страдал и не печалился, так как не считал людскую любовь и человеческое уважение

мерилом земного счастья и в жизни главным, ибо основной ценностью бытия полагал силу и богатство.

Обладая же силой феноменальной, характером взрывным, злостью неукротимой и лютой, живя в материальном достатке, уверен был Охотник в одной своей мысли, возведенной им в степень истины, что сила, богатство и страх лучше, нежели уважение и любовь односельчан. За слабым и бедным человеком, полагал он, правды нет и быть не может, потому как только сильных и богатых боятся, а значит, именно, из-за них, то есть из-за страха и денег, стало быть, и уважают. Так и жил Охотник, довольствуясь тем, что имел, строго следуя им же придуманным принципам и правилам, не отступая от них ни на йоту.

Но не из-за этого его не любили люди, вернее не столько за буйство его, драчливость или богатство, был он жаден чрезвычайно, а через жадность свою жесток и лют неимоверно. Вот именно эти два недуга и сгубили его, ««Мастер»а», некогда доброго и весёлого парня, сгубили окончательно, именно из-за этих пороков не пользовался он ни уважением, ни любовью среди односельчан, именно из-за них ушла от него жена, забрав детей.

Охотник жил в полном одиночестве, друзей и приятелей не нажил, родители давно умерли, соседи с ним не общались, жители деревни обходили его дом стороной. Поначалу, конечно, брала Охотника досада и обида жуткая, что соседи и односельчане в гости к себе не зовут, да и сами к нему

не заходят, но потом смирился, хотя и обиделся на весь мир сразу. Он быстро привык к одиночеству и даже был рад тому, что никто не мешал ему жить по его же установленным законам, про себя считая, что односельчане попросту ему завидуют, его достатку и довольству.

Охотник верил в себя, верил в то, что он большой, великий «Мастер» своего дела, а посему и жил так, как хотел, как совесть его велела и желала. Вообще к дружбе с людьми Охотник не стремился. Для него общение с односельчанами, да и вообще, не считалось смыслом жизни. А потом трудно было дружить с Охотником, а ему с людьми, коли представления о жизни выказывались ими совершенно разные. Ну, как можно общаться с человеком, если во всех делах, плохих и хороших, искал он только материальную выгоду и за «ради одного спасибо» никому ничего не делал: не «Мастер»ил, не ремонтировал, не помогал. Про таких мужиков обычно в деревнях говорили, что зимой снегу не выпросишь.

Охотился он круглый год: зверя бил, дичь добывал, рыбой красной промыслял, запаса этой самой рыбы: осетра да севрюги, у него не переводилось, диким мёдом баловался, грибы и ягоды собирал, орехи лещины брал, мясо битого зверя и птицу коптил, рыбу засаливал и вялил, короче говоря, снеди всякой и провианта всевозможного было много, прямо не погреб, а полная чаша. Да вот только семья его, жена и детишки, когда ещё не ушли от него, чуть не впроголодь жили. Вот такой он был человек – этот самый Охотник

по прозвищу «„Мастер“».

Местные охотники его, кстати, тоже недолюбливали. Может быть, оттого, что удачливее их всех он считался в округе? Вполне вероятно! Но только думается, что, скорее всего, по другой причине. Водилась за Охотником одна привычка отвратительная – неоправданная жестокость. Дюже сильно он лютовал в лесу и в поле! Нравилось ему в свободное время мелочь всякую: зверюшек там разных и всяких птичек – пострелять, почем зря, исключительно, забавы и потехи ради. Но не в том суть была! Пострелять-то оно, конечно, можно, если птица или зверь опять же вредный, хотя всё равно нельзя без причины бить, вот просто так, для развлечения! А ему, казалось, нравилось наблюдать за мучениями звереными. Стрельнёт, бывало, в крупную дичь мелкой дробью, подранит и смотрит, как животинка мучается, но добивать не торопится, потом уже доберёт обязательно, то есть добьёт, только попозже.

Охотники местные однажды даже хотели избить его из-за этой дурной привычки, да не смогли, попытка их закончилась неудачей. Почему? Да, сил у них не хватило, хотя, и было их пятеро здоровых мужиков. Подстерегли они его как-то, когда возвращался тот то ли с грибов, то ли с рыбалки, то есть не было у него с собой оружия, да и окружили на узкой тропинке. Охотник-то намерения недругов своих сразу же понял. А так как подраться и сам любил, в молодые годы в деревенских драках «стенка на стенку» почитай

всегда был первым, то и здесь убежать от превосходивших его в численности мужиков не стал. Даже, напротив, те сами еле ноги унесли, ибо Охотник так отделал всех нападавших, что они потом ещё с неделю дома отлёживались от полученных побоев. Вот так закончилась попытка проучить ««Мастер»а». А он, кстати, ещё более лютовать стал в лесу, как бы в насмешку над своими неудачливыми врагами.

Любить-то его не любили, но ни одна охота без него не обходилась, потому как равного и лучшего, чем он, при облаве, загоне, в засидке, а тем паче в окладе на тысячу вёрст вокруг невозможно было сыскать. Охотник так умело и толково расставлял номера, что зверь не мог миновать их и выходил точно на стрелков, и собак напускал, когда следовало, в самый аккурат, ни раньше, ни позже. А еще у него было невероятное чутьё на зверя. Он абсолютно точно знал, как, где и когда тот пойдет и на кого выйдет. Незаменим был на охоте. Одним словом – «„Мастер“»! Сколько прошло этих самых охот, подсчитать невозможно, но последняя...? Она прочно засела в его памяти, и воспоминания о ней упорно не хотели уходить, как ни старался Охотник забыть те неприятные события, что произошли тогда. Он помнил ту свою последнюю охоту до мельчайших подробностей, ибо про себя так и называл её «последней».

Она почти совсем не помнила отца. В её памяти остались

одни лишь очень короткие, но яркие воспоминания о нём. Ей часто рассказывали об отце, рассказывали о том, что он был сильным, смелым, красивым, бесконечно её любившим и баловавшим, наверное, потому, что была она в семье самой младшей. Об этом она, кстати, помнила и сама, да и вообще родители никогда не наказывали её в отличие от старших братьев, которым отец частенько давал хорошую трёпку за непослушание. Вот собственно и все воспоминания!

Погиб отец случайно. Произошло то несчастье в самом начале зимы. Говорили, что когда случилась беда, накануне как раз выпал первый снег. Он укрыл толстым пушистым одеялом все поля, луга и деревья в округе. Погода, рассказывали очевидцы, в тот день была хорошая – лёгкий мороз, яркое солнце, чистое голубое небо. Отец с матерью как раз возвращался домой. На одной небольшой поляне они случайно столкнулись с медведем-шатуном, который не залёг в берлогу на зимнюю спячку, или которого потревожили чем-то и он проснулся, а теперь бродил голодным и злым по лесу в поисках добычи. Хотя мать и шла впереди, но отец первым увидел смертельную опасность, поджидавшую их за кустом, а поэтому, не раздумывая ни секунды, бросился спасать жизнь своей подруги. Драка была жестокой и кровопролитной, да только силы оказались не равными. Вот так и сложил отец свою голову вдали от дома, где-то там, в чужом и глухом лесу, оставшись навсегда лежать на маленькой полянке, обильно оросив ее, заснеженную и нарядную, своей

живой и горячей кровью.

После смерти отца мать сильно загрустила, заболела и вскоре умерла от дикой тоски и печали. Так в жизни иногда случается. И остались она и пятеро её братьев и сестёр круглыми сиротами. Целыми днями они бегали предоставленные сами себе, без присмотра и заботы, да к тому же вечно голодные, лазали повсюду в поисках остатков еды и питались тем, кто и что найдёт. Продолжалась эта вольница, правда, недолго. Трудно сказать, как сложилась бы у них жизнь в будущем, хотя предположить их дальнейшую судьбу было делом весьма простым. Скорее всего, они погибли бы или от холода, или от голода, или вообще от руки недоброго человека, мало ли ещё что поджидало их во взрослой жизни, но такой вот печальный финал, наверняка, ожидал всех малышей, если бы не их родная тетка.

Младшая родная сестра отца, несмотря на то, что у нее было семеро своих детишек, долго не раздумывала и взяла их всех к себе, взвалив дополнительные трудности по воспитанию, кормлению и обучению неожиданно увеличившейся почти вдвое семьи на себя. Все родственники, конечно, дружно помогали ей в этом, но основной груз забот тётка тянула все-таки сама. По жизни отцова сестра была очень ласковой и доброй, но строгой, а иногда даже суровой, особенно когда становилась воспитателем своего подрастающего потомства. Это потом, спустя годы, они стали подругами, а в детстве она часто обижалась на тётку за излишнюю, как

ей казалось, строгость, и только, повзрослев, вдруг поняла, что тётушка её родная всегда была права. Пригодились ей все уроки, которые получила она в детстве, очень пригодились по жизни, приобретённые под жёстким контролем тётки знания. Не раз потом они спасали её в самых критических и безвыходных ситуациях. А ученицей она была, кстати, очень даже прилежной. Семья их дружная и такая разношерстная и разномастная жила по одному главному для них принципу, передававшемуся из поколения в поколение, из рода в род: «Все мы одна семья, одно племя, и не должно никогда и нигде отказать в помощи, нуждающемуся в ней, ближнему своему соплеменнику!»

Быстро летело время, они учились, выросли, занимались, готовились к нелёгкой самостоятельной жизни, полной опасностей и трудностей. Детство и юность всегда проходят незаметно. Вот и у неё настал момент, когда она выросла и из маленького серенького щенка превратилась в красивую, статную, изящную и взрослую Волчицу. Многие из её братьев и сестёр к тому времени уже сбили крепкие пары, и у некоторых даже появились дети – толстенькие, маленькие, пушистенькие щенятки, которых через две недели после рождения, когда те уже прозрели, впервые вывели на улицу, дабы они увидели красоту и величие реального мира. Молодая же Волчица пока оставалась одна, ну не могла она никак подобрать себе подходящего друга, а ведь в волчьей стае, как известно, свой выбор делает волчица, и ничто и ни-

кто на свете не сможет заставить её полюбить не понравившегося ей волка.

Но однажды во время отдыха после удачной охоты, когда сытые и довольные звери дремали в тени густых кустов, к их стае прибился чужак, один незнакомый волк. От тяжелого ранения был он очень слаб и немощен. Волки же, памятуя о своем Основном Законе, установленном Ночным Лесом: «Волк не должен убивать волка, но помочь ему обязан, ибо все волки братья!» – приняли его в свою стаю, заботами которой он вскоре окреп и короткое время спустя полностью выздоровел. Но более всех ухаживала за ним молодая Волчица, ибо сердцем была она очень добра и жалость к раненому испытывала. Пришлomu волку чрезвычайно понравилась эта заботливая, игривая и смышлённая перьярочка, небольшого роста, стройная, с красивой, чуть черноватой, шерстью и необычайно выразительными тёмными глазами. Он ей тоже пришёлся по душе, причём, сразу же, как только она увидела его, раненого и беспомощного.

Когда волк поправился, Волчица приняла его ухаживания, а по причине того, что волки большие однолюбы, то и у них сложилась крепкая семейная пара. Прошла зима. Волк и Волчица задержались с потомством, но детей она ему родила, хоть и поздно это произошло. В конце весны, ближе к лету, принесла Волчица замечательных пятерых щенят. К тому времени Старый Волк, много лет возглавлявший Стаю, ушел в самую чащу леса, чтобы умереть в пол-

ном одиночестве, как требуют того волчьи законы – свободным и непобежденным. Нового же предводителя после ухода старого долго искать не пришлось. Стая добровольно, без тени сомнения и колебаний, единогласно вручила бразды правления молодому пришлому волку, признав в нем Вожака – единственного и непререкаемого. Всем своим поведением перед волками он ни разу не оплошал, ни по жизни, ни на охоте, а поэтому пришелся всем по нраву, заслужив честь встать во главе Стаи. Был он храбрым и смелым волком, и Вожаком стал честным и справедливым, а с возрастом ещё и мудрым.

В стаю волки обычно сбивались только на зиму, так как считали, что лихое, голодное и холодное время вместе пережить легче, да и охотиться было сподручнее, ведь каждый зверь чётко знал своё место, отведённое ему то ли в засаде, то ли в загоне. Легче жилось им семьёй. Но с наступлением весны, когда тепло приходило на смену трескучим морозам и сильным метелям, расходились они по округе парами, дабы заняться семейными делами.

С приближением лета работы у волков прибавлялось. Волчата росли не по дням, по часам, а, как справедливо замечено: «Там, где большие дети – там и большие заботы». Лето ведь быстро проходит. Это оно только кажется длинным.хлопот летом всегда особенно много, а поэтому все торопятся, дело известное, к зиме чтобы поспеть: кому запасы провианта надо сделать, кому место для зимовки подгото-

вить, кому крылья укрепить, чтобы до чужих, тёплых краёв долететь, кому жирку поднакопить и зиму переспать до весны. Вот и волкам тоже забот хватало: надо было успеть щенят выкормить, вырастить, воспитать, чтобы уже по первому снегу они смогли бы, если не на равных со взрослыми зверями, то хотя бы соразмерно своим силам, навыкам и возрасту, участвовать в настоящей облавной охоте, опасной, трудной и увлекательной, но главное – жизненно необходимой. Такими они были все эти самые волки, и Волчица с Вожаком не являлись исключением со всеми своими волчьими делами, хлопотами и заботами.

В тот год, когда родились их щенята, весна пришла рано. Вожак заранее приготовил гнездо. Найденное жилище было вторым по счёту, которое он подготовил для своего будущего семейства, ибо от первого Волчица отказалась, то ли место было небезопасное, то ли просто неудобное, то ли слишком влажное, только не показалось оно ей, место то, найденное первым.

Новое гнездо Вожак подготовил очень тщательно. Сначала он нашёл удобное место. Это был глубокий овраг, протянувшийся огромным уродливым шрамом через весь лес, дремучий и непроходимый, с густым подлеском и дикими буреломами. В его песчаном склоне под корнями старой сосны волк выкопал просторную и добротную пещеру. Волчице новое место понравилось, и вскоре в этой пещере появились на свет их дети, которых после рождения она долго вылизы-

вала языком, согревала теплом своего тела, так как весенними ночами было ещё весьма холодно, и подшерсток волчат плохо ещё спасал малышей от ночных заморозков.

Всякий раз Волчица, когда кормила своих детишек, с любовью, гордостью и удивлением глядела на маленькие серенькие комочки шерсти, спустя короткое время которые должны были превратиться в красивых и мощных зверей – продолжателей их рода и племени. Вожак в это время ходил на охоту. Волчице нужно было мяса вдоволь, ведь щенятам требовалось много молока, от которого они росли быстро и скоро.

Целыми днями, с утра до вечера, возились звериные детёныши на небольшой площадке возле входа в пещеру, нападая друг на друга из засады, бегая за маленькими, нахальными птичками, прыгавшими под самыми их носами, нарочно подраживая их за детскую нерасторопность и неловкость. Засыпали волчата тут же, на месте игры или на теплом материнском животе, вдоволь напившись вкусного тёплого волчьего молока.

Вскоре Вожак уже был не в силах в одиночку приносить столько добычи, чтобы прокормить взрослых не по дням волчат. Щенята много бегали, много ели, поэтому Волчица стала вместе с волком уходить на охоту, оставляя своих малышей без присмотра на весь день, а иногда, и на ночь. Летняя охота была всегда удачной и обильной. Утром и вечером волки гоняли зайцев, ночью в закрайках овсяных полей на-

падали на кабанов, отбивая от стада самого слабого, изредка, исключительно удовольствия ради, выбегали в ночное тёмное поле, чтобы среди густой травы отыскать тетерева-косача, прилетевшего из леса на ночлег, или поймать какую-либо другую зазевавшуюся живность. Пришло время, когда волки стали давать своим детям первые уроки настоящей охоты. Занятия усложнялись, отец торопился к осени научить волчат самым необходимым приёмам погони, облавы, засады и броска. Так проходили дни, недели, и наступил последний месяц лета.

Приглашение на охоту, как всегда, поступило неожиданно. За ним просто заехали и сказали: «Собирайся! Ты нам нужен!» Из области или выше прибыло какое-то важное начальство, вот он и понадобился помочь организовать загон на лосей, чтобы ублажить, значит, высокое руководство из столичного города. А кто, кроме него, «Мастера» мог организовать всё на высшем уровне? Да никто!

На сборы – минута, и в путь! Ехали долго, почти всю ночь и еще полдня. Остановились возле заказника, специально отведённого для таких важных охотников. Там живности водилось весьма обильно, так как места были очень глухие и дикие. Охоту он организовал и провёл в тот раз на высшем уровне, сам себя превзошел. Награду потом, кстати, хорошую получил. Гости из центра к вечеру того же дня завалили

лося и уже к утру из засидки на овсах с мастерски сделанного Охотником лабаза взяли здоровенного, матёрого ломыгу, так местные называли медведя, пудов, эдак, на двадцать пять, а то и все тридцать. «Мастер» и сам был чрезвычайно удивлён столь результативной и быстрой охоте, ибо до нынешнего дня таких великанов, как этот подстреленный медведь, никогда ещё не приходилось встречать. Радость по поводу великолепных трофеев, ценных и неожиданных, взятых очень быстро, была бурной, а празднование столь удачного начала охоты длительным и обильным. Гуляли по этому поводу на поляне под вековым дубом, гуляли широко и щедро, импровизированные столы ломились от заморских яств и напитков, а посему уток на вечернем пролете стрелять не пошли, просто высокие гости оказались не то чтобы не в состоянии, а отказались от переизбытка и так больших впечатлений.

У Охотника по этой причине появилось свободное время, и он решил с самого раннего утра пойти побродить по лесу и перелескам, да по тетеревам и вяхирям, которых водилось здесь в изобилии, пострелять, в меткости поупражняться и домой для копчения пернатой дичинки привезти. «А может, городские охотники потом всё скупят? Оптом ведь отдам, дешёво! Они ведь любят изысканную еду, да только ходить много, чтобы подстрелить тетерева или глухаря, ленятся, а без ходьбы по вырубкам да перелескам птицу не добыть», – думал он, укладываясь спать пораньше, чтобы зав-

тра подняться затемно, пока солнце не встало.

С первыми лучами солнца, когда оно только начало показываться из-за горизонта, Охотник был далеко от лагеря, так как пробудился задолго до восхода. На завтрак у него ушли секунды, выпил чаю холодного, бросил в рот кусок колбасы, заел хлебом чёрном, взял с собой пару бутербродов и двинулся в путь. Отойдя от бивака на довольно значительное расстояние, он двинулся вдоль края глубокого оврага, начинавшегося на опушке леса и уходившего в самую глубь дикого урмана. Не пройдя и полкилометра, на влажной от росы земле Охотник вдруг увидел отпечатки волчьих лап. Никто не смог бы заметить эти следы, где и трава-то была едва примята, но только не он, не даром ведь «Мастером» звался. Внутри него тут же, где-то очень глубоко, пробежал маленький сквознячок, который всегда появлялся в тот момент, когда он чувствовал присутствие зверя. Азарт преследования, поиска и добычи проснулся мгновенно и дико заиграл в Охотнике в полную силу. Именно этот миг – момент пробуждения неукротимого желания найти и убить зверя, любил он более всего на свете. Вчера Охотник испытал точно такое же чувство, когда, ещё даже не увидев медвежьих следов, он чисто интуитивно, подсознательно понял, что урман-ный, то есть топтыга, здесь есть. Исследовав же внимательно местность, Охотник понял, что медведь ходит сюда, на поля эти овсяные, причём ходит не просто от нечего делать, а для удовольствия, чтобы покормиться, полакомиться наливным

молочным зерном, жирку дабы поднагулять на предстоящую холодную зиму.

Вот и сейчас, всем своим нутром, Охотник понял: «Звери были здесь!» Он огляделся вокруг, присел на корточки и после того, как внимательно осмотрел примятую траву, тихо, почти шепотом, шевеля одними губами, будто кто посторонний мог бы подслушать его в этой глухомани, сам себе сказал: «Волков-то – пара. Значит, где-то должно быть их логово». Пройдя еще немного, он убедился в правильности своего предположения, что находится недалеко от волчьего жилища, и не ошибся. Искать долго не пришлось. Логово волков Охотник нашел в большой крепости, под старой сосной, в нескольких километрах от опушки леса. Волчье гнездо было довольно просторное и выкопано в удобном, как показалось ему, месте: в песчаном и сухом склоне, почти у самого дна оврага, по которому протекал маленький, но бурный ручей, не более метра в ширину и менее того в глубину. «Место они себе хорошее выбрали, замечательное место: и глухое, и сухое, и вода опять же рядом, и безопасно. Умная пара, нечего сказать! Охотничьи уголья рядом и водопой тут же!» – подумал Охотник. Он осторожно стал подбираться к волчьему убежищу. Ступая тихо и аккуратно по сухой уже начавшей опадать листве, Охотник пролез сквозь густые можжевёловые кусты и увидел то, что собственно искал.

На крохотной площадке возле входа в пещеру играли, весело бегая друг за другом, пять маленьких волчат. Его пона-

чалу удивило то, что они были очень уж маленькие, не по сезону, но потом догадался, что, по всей видимости, в силу каких-то причин это был поздний помет у волчицы. Взрослые волки отсутствовали. Хотя и были волчата еще маленькие, но, когда он стал ловить их, сопротивлялись они долго, упорно, отчаянно и остервенело. Охотник их даже похвалил за это, подумав, что хорошие звери выросли бы из волчат, и с ещё большим усердием принялся ловить их.

Ловля волчьих детенышей забавляла и доставляла ему истинное удовольствие. Наконец всё закончилось. Охотник перевел дух, так как от этой возни со щенками он изрядно устал и даже взмок. Ну, а что же с ними теперь было делать, вот ведь морока? Сначала Охотник хотел сразу утопить всех звериных детенышей в том самом ручье, что протекал по дну оврага, но потом передумал и решил отнести волчат в лагерь, чтобы лишний раз похвастаться своими охотничьими успехами перед городским начальством. «Чем чёрт не шутит, гляди, кто из гостей и захочет купить у него волчат, опять же выгода материальная», – с таким вот мыслями Охотник побросал пойманных щенят в свой заплечный мешок и присел отдохнуть. Волчата тем временем, сидя в мешке, подвывали и потягивали от страха, но тщетно звали на помощь своих родителей звериные детёныши, они не пришли, так как далеко были и не слышали крика и мольбы детей о спасении.

Уходя, Охотник срезал ветку, замел следы борьбы и, постояв немного и внимательно осмотрев все вокруг, достал

из кармана пачку сигарет, разломал несколько штук и разбросал табак на том месте, где стоял, и в том направлении, куда собирался идти. Закончив дела, он забросил ветку далеко в кусты, в несколько прыжков достиг дна оврага и спокойно удалился вверх по течению ручья, по самой воде, неся за плечами печальный груз.

Охотник торопился. Он хотел вернуться в лагерь засветло, так как до захода солнца был назначен отъезд. Пришёл Охотник вовремя. Показал пойманных зверёнышей. Все очень удивились его трофеям и даже восхищались, некоторые даже сфотографировались с волчатами, только вот брать их с собой, а тем паче покупать, как он рассчитывал в тайне души, отказались. Но что с ними тогда было делать? Оставить одних – наверняка погибнут, маленькие, без матери не выживут ещё. Убивать же волчат тоже никто не решился, уж больно забавные они были и хорошие: упитанные, толстенькие, крепкие, драчливые. Так никого желающего среди охотников и не нашлось лишить жизни волчьих детенышей. Охотник же сентиментальным человеком не был, посмеялся про себя над городскими интеллигентами и местными гуманистами, побоявшихся замарать руки «грязной работой», и в тухлой застоявшейся воде глубокой канавы, чтобы не тратить зря патроны, утопил всех пятерых волчат, в старом мешке утопил, без жалости в сердце и сомнения в душе. Так закончилась та охота, но трофеи, однако, богатые взяли и дорогие. Выпили посошок на дорожку, чтобы, значит, уда-

ча ждала при возвращении домой, да и сюда, чтоб опять вернуться, погрузились в автобус и двинулись в обратный путь.

Но не обратил Охотник внимания, задремав на заднем сиденье в тишине автобусного салона, как зашумел вдруг, как нахмурился Лес, как заскрипел, застонал всеми своими деревьями, как вся Жизнь в нём на мгновенье застыла. Если бы он мог только знать и предвидеть, какую трагическую роль в его жизни сыграет использованная для заметания следов и затем брошенная им ветка, то, наверное, ни за что не забросил бы её в кусты, а взял бы с собой, домой, дабы сжечь в печи и пепел развеять по ветру. Но не дано человеку предугадать линию своей Судьбы, как невозможно повернуть Время вспять, ибо Солнце никогда не скроется за горизонтом на востоке.

Волчица и Вожак возвращались с охоты обычно под вечер. Уже издали, подбегая к своему гнезду, они слышали весёлую возню волчат и подавали им условный сигнал, услышав который, те отвечали громким тьяканьем и со всех ног бросались навстречу родителям. Волчица всегда торопилась вернуться домой пораньше, надо было успеть накормить детей до наступления уже холодных августовских ночей.

Как обычно Волчица негромко позвала детей и остановилась, чтобы дать возможность заигравшимся щенятам услышать её сигнал. Но в этот раз волчата не торопились встречать родителей, да и тьяканья их не было слышно. От пред-

чувствия беды сердце матери бешено заколотилось, и она ускорила и без того быстрый свой бег. Вожак едва поспевал за ней. Вот и «дом»! Но странно, на площадке перед логовом было пусто. Ни-ко-го!!! Страх за волчат охватил Волчицу. Как сумасшедшая заметалась она вокруг своего жилища. Тщетно звала мать своих волчат, искала и вновь звала, все поиски её были напрасны и тщетны. Никто не отзывался, в ответ лишь щемящая тишина, тревожное предчувствие беды и надвигающаяся тоска.

Вдруг неожиданно пугающий и вместе с тем вызывающе волнующий запах человека остановил стремительный и беспорядочный бег Волчицы. Она оцепенела от страха, так как нет на всём белом свете более жестокого, хитрого и безжалостного врага для волка, нежели человек. Не за себя испугалась Волчица, но за детей своих малых и несмышлёных. Страх длился секунды. Придя в себя после столь сильного потрясения и осознания того, что их жилище нашёл человек, Волчица и Вожак вновь продолжили свои поиски, все более убеждаясь в их бесполезности. Спустя мгновение человеческий запах пропал. Он исчез так же быстро и внезапно, как и появился. Волчица даже стала сомневаться, не показалось ли ей все это от волнения и переживаний. В глубине души она всё-таки надеялась отыскать своих малышей, полагая, что те, заигравшись, убежали далеко от гнезда и заснули там же, где застала их усталость. Но прошло совсем мало времени, как опять вдруг появился этот крепкий челове-

ческий запах, ненавистный и страшный, и шёл он откуда-то сверху, усиливаясь во время каждого порыва ветра и пропадая всякий раз с наступлением затишья. Волчица подняла голову. В кронах деревьев и в густых высоких кустах никого не было, но запах волнами накатывал именно оттуда – сверху. В очередной раз неожиданно и резко налетел ветер, деревья сильно зашумели, закачались, и к волчьим ногам упала ветка. Это была та самая ветка, которую, уходя, использовал Охотник, замечая следы борьбы, и затем забросил её далеко в чашу леса, не подумав о той роковой роли, какую сыграет она в его судьбе, и сыграла ведь. В бессильной ярости и злобе Волчица схватила упавшую ветку и стала кусать, рвать, крошить этот ненавистный кусок дерева в мелкую щепу, будто не ветка была то, но человек, унесший в неизвестность милых её малышей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.